

ЭХО

הקול

תרגומי השירה הלירית לעברית ולרוסית מאת אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводе на иврит и на русский Адольфа Гомана

Йегуда Амихай

יהודה עמיחי

СТИХИ

שירים

примечания переводчика

הערות של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

Иегуда АМИХАЙ

(1924-2000)

Содержание

תוכן העניינים

[Краткая биографическая справка](#)

על יהודה עמיחי

[Когда я был ребёнком](#)

בהיותי ילד

[Мама испекла мне весь мир](#)

אמי אפתה לי את כל העולם

[Мы двое вместе и каждый сам по себе](#)

שנינו ביחד וכל אחד לחוד

[Господь милосерден к малышам](#)

אלהים מרחם על ילדי הגן

[Песня клубка ниток иголке](#)

שיר החוט למחט

[Короткие стихотворения](#)

שירים קצרים

[Но посмотри, как велика](#)

אבל ראי

[Мы здесь любили \(цикл сонетов\)](#)

אהבנו כאן [מחזור סונטות]

[Бог, преисполненный милосердия](#)

אל מלא רחמים

[Я не готов](#)

אינני מוכן

[Из троих или четверых](#)

משלשה או ארבעה בחדר

[Не как кипарис](#)

לא כפרוש

[Приходи поиграть](#)

בואי נשחק

[Между двумя точками проходит только одна прямая](#)

דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד

[Ко дню рождения](#)

ליום הולדתי

[Матери](#)

לאם

[Поэт](#)

משורר

[Молодой Давид](#)

דוד הצעיר

[Что касается мира](#)

אשר לעולם

[Прощай!](#)

היי שלום

[Иль, скажем , скорбь](#)

כגון יגון

[Ты тоже устала](#)

גם את עיפת

[В моё время, в твоём месте](#)

בזמני, במקומך

[Страшно опознавать](#)

נורא הוא לזהות

[Отец мой, Царь мой!](#)

אבי, מלכי

[Бык возвращается](#)

הפר חוזר

[Мне ещё предстоит](#)

שאצטרך

[Судьба Бога](#)

גורל אלהים

[Иди, иди](#)

לכי לכי

[В те дни в это время](#)

בימים ההם, בזמן הזה

Не быть, быть, не быть
Гайдн. Опус 76 №5
Умерла Лея Гольдберг
И не для того, чтобы помнить
Что-то особенное для листьев
Встреча со старым другом
П е с н я
Проводи меня
Песня любви
Есть у меня мёртвые
Слова – это ступени
Тот, кто забывает
Печаль в глазах и картины пути
Другая песня любви
Мы были близки
Рекомендательное письмо
Помнить – это своего рода надежда
В годовщину
Человек возле реки в тумане
Я нашёл тебя
Доктор Нахум Голдман
По бульвару, где никого нет
Когда мне придётся
Кто это может
Мой спящий сын
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила
Помните и напоминайте

בְּדִיקַת עֵינַיִם
לֹא לִהְיוֹת וּלִהְיוֹת, לֹא לִהְיוֹת
הֵי־דָן, אוֹפּוֹס 78, מֵס' 5
לֹא־הוּא גּוֹלְדֶּבֶרְגַּם מֵתָה
*(וְלֹא עַל מַנְת לְזַכֵּר אֶתָּה)
לְעֵלִים מְשֻׁהוּ מִיָּחַד
פְּגִישָׁה עִם יָדִיד וְתִיק
שִׁיר
לִי אוֹתִי
שִׁיר אֶהְיֶה
יֵשׁ לִי מֵתִים
הַמֵּלִים הֵן מְדַרְגּוֹת
מִי שְׂשׂוֹכֵחַ
עֲצָבוֹת עֵינַיִם וְתַאוּרֵי מַסָּע
שִׁיר אֶהְיֶה אַחֵר
הֵי־נִי קְרוֹבִים
מִכְתֵּב הַמְלָצָה
לְזַכֵּר הוּא מִיָּן תִּקְוָה
בְּיוֹם הַשָּׁנָה
אָדָם לֵיד נֶהָר עִם עֶרְפֶּל
מִצַּאתִי אוֹתָךְ
דּוֹקְטוֹר נַחוּם גּוֹלְדֶּמָן
לְאוֹרֶךְ הַשְּׁדֶרֶה שֶׁאֵין בּוֹ אִישׁ
כְּשֶׁאֲצַטְרֹךְ
מִי זֶה יִכּוֹל
יְלָדִי הִישָׁן
אִמַּרְתִּי לְךָ שִׁיְהִיָּה כֵךְ - וְלֹא הִאֲמַנְתָּ
זָכְרוּ וְהַזְכִּירוּ

Краткая биографическая справка

АМИХАЙ Иегуда (1924-2000) – израильский писатель – поэт, прозаик и драматург, один из зачинателей и наиболее ярких представителей «новой» израильской поэзии второй половины XX-го века..

Иегуда Амихай родился в Вирцбурге (Германия). В возрасте 11 лет переехал с родителями в Палестину. Во время Второй мировой войны служил в Британских войсках. В Войне за независимость Израиля участвовал в боях в Нэгеве. Изучал ТАНАХ и ивритскую литературу в Еврейском университете в Иерусалиме. Работал учителем в школе, преподавал в академиях в Израиле и за границей.

Первый сборник стихов Иегуды Амихая – «Сейчас и в другие дни» был опубликован в 1955г. С тех пор вышло в свет много поэтических сборников («Стихи 1948 – 1962 г.г.», «За всем этим кроется большое счастье», «Время», «Песни любви» и др.), роман «Не сейчас и не отсюда» (1963), сборник пьес для радио (1968), книги стихов для детей. Стихи Амихая переведены на 35 языков, некоторые положены на музыку.

Творчество Амихая не раз отмечалось различными премиями, а в 1982г. он был удостоен Государственной премии Израиля.

Иегуда Амихай умер в 2000г.

Иегуда Амихай по праву считается поэтом, с творчеством которого связана революция в израильской поэзии. Он принадлежит к поколению, на долю которого выпала задача не формулировать идеалы и чаяния народа, а непосредственно участвовать в их воплощении, выполнять реальную работу по созданию и защите молодого еврейского государства. Эта реальность, конкретность отразилась в тематике и образном строе его стихотворений и потребовала соответствующих поэтических средств, в частности, отказа от симметрии формы (рифмы, чёткого ритма) в пользу большей текучести, естественности поэтической речи.

Язык стихов Амихая прост, полон обыденных слов и выражений, но, вместе с тем, опирается на всё богатство многовековой еврейской культуры. Его метафоры остроумны, точны, полны силы и неожиданны.

Произведения Иегуды Амихая очень личные. Поэт, чаще всего, говорит от первого лица, описывает конкретные события, дающие толчок переживаниям и обобщениям. Недаром, в стихах Амихая так часто встречаются слова «сейчас» и «здесь».

Главные темы поэзии Иегуды Амихая – любовь, ревность, разлука, война, воспоминания о прожитой жизни, о родителях (особенно – об отце, образ которого присутствует во многих стихах поэта) и т.п., причём в неожиданных сочетаниях, что придаёт стихам свежесть и силу. Общий настрой их элегический, в них нет шума, восклицаний, всплесков эмоций. Соответственно видится Амихаю и роль самого поэта: не вождь, не пророк, а участник, один из многих. Новизна стиля и тематики поэзии Амихая вызвали определённое неприятие со стороны израильского культурного истеблишмента. В 50-60е годы его стихи печатались неохотно. Вместе с тем, критика в его адрес зачастую была вполне обоснована.

Из книги "Сейчас и в иные дни" (1955)

Когда я был ребёнком

Когда я был ребёнком,
Вдоль берега высились травы и мачты.
И я, лёжа там,
Не делал различия между ними,
Ведь все они поднимались надо мной до неба.
Только слова мамы были со мной,
Как ломтик хлеба, обёрнутый в шуршащую бумагу.
И я не знал, когда вернётся отец,
Потому что в просвете леса виднелся другой лес.

Все вещи протягивали ко мне руки,
Бык бодал рогами солнце,
Ночами свет с улиц ласкал
стены и мои щёки,
А луна, как большой горшок, сама собой наклонялась
И поила мой неутолимый сон.

Мама испекла мне весь мир

Мама испекла мне весь мир,
Как сладкий пирог.
Любимая наполнила моё окно
Изюминками звёзд.
Но тоска сокрыта во мне, как пузырьки воздуха
В буханке хлеба.
Снаружи я гладкий, спокойный, румяный.
Мир любит меня.
Но волосы мои печальны, как тростник в высыхающем болоте, –
Все редкие птицы в красивых перьях

מהספר "עכשיו ובימים האחרים"

בהיותי ילד

בהיותי ילד
עמדו עשבים ותרנים ליד החוף,
ואני בשכבי שם
לא הבדלתי ביניהם,
כי כלם עלו השמימה מעלי.
רק דברי אמי היו אתי
כפרוסה עטופה בנר מרשרש
ולא ידעתי מתי ישוב אבי,
כי היה יער אחר מעבר למחשוף היער.

כל הדברים הושיטו יד,
פר גנח את השמש בקרניו,
ובלילות לטף אור הרחובות
את לחיי עם הכתלים,
והירח, ככד גדול, הטה את עצמו
והשקה את שנותי הצמאה.

אמי אפתה לי את כל העולם

אמי אפתה לי את כל העולם
בעוגות מתוקות.
אהבתי מלאה את חלוני
בצמוקי כוכבים.
והגעגועים סגורים בי כבועות אויר
בכפר הלחם.
מבחוץ אני חלק וְשקט וְחום.
העולם אוהב אותי.
אך שערי עצוב כגמא בבצה המתִיבֶשֶׁת וְהולֶכֶת –
כל הצפרים הנדירות ויפות הנוצה

Разлетаются от меня.

נסות ממני.

Мы двое вместе и каждый сам по себе

"Оба вместе и каждый в отдельности"...
(из договора об аренде)

Вновь лето качелями мчит – не догнать.
Вновь, девочка, пуст луна-парк, и опять
Отец не придёт, очевидно, ко мне.
Мы вместе и каждый сам по себе.

Морской горизонт растерял все суда:
Нельзя удержать что-нибудь навсегда.
Бойцы за горой ждут, готовы к боям.
Как нужно сейчас милосердие нам!
Мы вместе и каждый сам по себе.

Меж двух врагов место нашли мы для встреч.
Над облаком месяц поднял серп, как меч.
Мы ляжем с тобой, где ни встать и ни сесть.
Ведь шанс изменить всё у нас ещё есть.
Мы вместе и каждый сам по себе.

Любовь к тебе преобразила меня,
Как море солёное – в капли дождя.
Прижми меня крепче, ведь время не ждёт.
К нам ангел-спаситель, увы, не придёт.
Мы вместе и каждый сам по себе.

Господь милосерден к малышам

Господь милосерден к малышам,

שנינו ביחד וכל אחד לחוד

"שניהם ביחד וכל אחד לחוד"...
(מתוך חוזה שכירות)

ילדה שלי, עוד קיץ עבר
ואבי לא בא ללונה-פארק.
הננדודות מוסיפות לנו.
שנינו ביחד וכל אחד לחוד.

אפק הים מאבד ספינותיו –
קשה לשמר על משהו עכשו.
מאחורי החר חכו הלוחמים.
כמה זקוקים אנו לרחמים.
שנינו ביחד וכל אחד לחוד.

ירח מנסר את העבים לשנים –
בואי ונצא לאהבת בינים.
רק שנינו נאהב לפני המחנות.
אולי אפשר עוד הכל לשנות.
שנינו ביחד וכל אחד לחוד.

אהבתי הפכה אותי כנראה
כיום מלוח לטפות מתוקות של יורה;
אני מוכא אליך לאט ונפיל.
קבליני. אין לנו מלאך גואל.
שנינו ביחד וכל אחד לחוד.

אלהים מרחם על ילדי הגן

אלהים מרחם על ילדי הגן,

В меньшей мере – к школьникам,
А милосердия к взрослым – не жди.
Он оставит их,
И иногда им придётся ползти на четвереньках
В обжигающем песке,
Чтобы, истекая кровью,
Добраться до сборного пункта.

Разве что к истинно любящим
Будет милостив, пощадит и спасёт,
Как дерево, склонившееся над спящим на скамейке
В городской аллее.

Может, и мы отдадим им из милости
Последние монеты,
Доставшиеся нам от матери,
Чтобы их счастье было нам защитой
Сейчас и в иные дни.

Песня клубка ниток иголке

Как я, в ушко пробираясь, трудился!
Вместе с тобой к твоей цели стремился.

С каждым стежком я короче немного,
Тем для тебя сокращая дорогу.

Ясен конец мне: ты выскользнешь разом,
Я же судьбою с чужой тканью связан.

Узами сдавлен и памятью ранен,
Ты же – с другим клубком к новенькой ткани.

פְּחוֹת מִזֶּה עַל יְלָדֵי בֵּית-הַסֵּפֶר.
וְעַל הַגְּדוֹלִים לֹא יִרְחַם עוֹד,
יִשְׁאַרֵם לְבָדֵם,
וְלִפְעָמִים יִצְטָרְכוּ לִזְחַל עַל אַרְבַּע
בַּחוּל הַלּוֹהֵט,
כְּדִי לַהֲגִיעַ לְתַחֲנוֹת הָאֶסּוּף
וְהֵם שׁוֹתֵתִי דָם.

אוֹלֵי עַל הָאוֹהֲבִים-בְּאַמֶּת
יִתֵּן רַחֲמִים וַיַּחֲסוּ וַיִּצֵּל
כְּאִילָן עַל הַיֵּשֶׁן בַּסִּפְסָל
שֶׁבַשְׁדָּרָה הַצְּבוּרִית.

אוֹלֵי לָהֶם גַּם אֲנַחְנוּ נוֹצִיא
אֶת מִטְבְּעוֹת הַחֶסֶד הָאַחֲרוֹנוֹת
שֶׁהוֹרִישָׁה לָנוּ אִמָּא,
כְּדִי שְׁאִשְׁרָם יִגֵּן עָלֵינוּ
עַכְשָׁו וּבַיָּמִים הָאַחֲרִים.

שיר החוט למחט

כְּמָה עִמְלָתִי עַד שֶׁלַּךְ חִבְרָתִי –
יִחַדּוּ עַכְשָׁו, אֵל יַעֲוֹדֶה נִקְשָׁרָתִי.

כֵּה בַמַּדָּה שְׁאֵתְקַצֵּר,
עוֹשָׂה אֶת אֶת דֶּרֶכְךָ יוֹתֵר מֵהָר.

בַּסּוּף, בְּכָל זֹאת תִּנְתְּקִי. אֲנִי נִשְׁאָר
בְּתוֹךְ גּוֹרֵל שֶׁל בֶּד גְּדוֹל וָזָר.

לְנֶצַח שֵׁם אֱהִיָּה כְּלוּא, נוֹאֵשׁ,
וְאַתָּה – אֵל חוּט אַחֵר, אֵל בֶּד חֲדָשׁ.

Короткие стихотворения

*

И, коль потоп с небес грозит нам вновь ударом,
Добавят пусть меня к четырнадцати парам.

К слонихе со слоном и к лисам серебристым,
Ко всем, кто будет – чистым и нечистым.

Укутай ватой мягкой и храни нас, Ной,
Как корешок лозы, возьми в мир лучший свой.¹

*

Мы - две ассоциации в одном уме:
Лишь вспомнят о тебе, сейчас же – обо мне.

Мы словно две свечи в подсвечнике одном:
Мы порознь тусклы – книгу не прочтёшь,
Но всё же ярки – с нами не заснёшь.

Когда горим мы вместе, - праздник света.
Угаснем разом – темень без просвета.

*

Мы в сводчатом окне – две стойки: поднялись
Над подоконником и устремились ввысь.

И, поднимаясь, соблюдая строй,
Друг к другу мы склоняемся с тобой,

שירים קצרים

*

אם שוב ירד מבול מן השמים,
יחזקונו לתבה עם כל זוגות השנים –

עם פיל ועם פילה, עכבר ועכברה,
עם כל הטמאה והטהורה.

ישמר אותנו נח, יעטרך
כשתיל הגפן לעולם הטוב.

*

כשתים אסוציאציות שבראש אחד:
אם מזכירים אותי, מזכרת את.

כשתי נורות אנחנו במנורה:
לבדי או לבדה, כהים מדי לקרא עתון,
אורים מדי בשביל לישן.

אבל ביחד מדלקים – זה חג של אור,
ביחד כבויים – לילה שחר.

*

קמרון שבחלון ישן
מאדן בעלה: מכאן וכאן.

בעלותנו יחד, זה מול זה,
אחד אל השני נטה.

¹ Намёк на библейский рассказ об опьянении Ноя

Пока замковый клин, своим углом
Нам дав покой, не станет общим лбом.

На подоконнике внизу – цветы в горшке,
А за окном – дороги вдалеке.

*

Ты, словно сад цветущий городской,
Надёжною окружена стеной.

Я, как шоссе, что город резрезая,
Летит, пути не выбирая.

В тебе начала все остры и сил полны,
А под конец спокойны и округлены.

Во мне любой итог – не повод отдохнуть,
И близость мне твоя – ворота в дальний путь.

*

Смотри, мы словно два числа с тобой –
Стоим и складываемся порой

Иль вычитаемся, ведь ты же знаешь: знак
Со временем меняется, и как!

Так трудно было нам, пока узнали,
Что значит вместе быть и, как в начале,

Так же глубоко ощущать потом
Блаженство умножения вдвоём.

עד שְׂבָאָבֵן הֵיטֵד יַחַדוֹ
נִמְצָא מְנוּחַ – מִצַּח מִשְׁתַּף.

תָּמִיד נִרְאָה: עַל אֶדֶן – פְּרָחִים.
וְעוֹד הֶרְחַק יוֹתֵר – אֶת הַדֶּרֶכִּים.

*

וְאֵת הַגֶּן הַצְּבוּרִי בְּעִיר,
מִחֲזֵק בָּהּ וְשִׁלָּהּ, מוֹגֵן בְּקִיר.

אֲנִי הַכְּבִישׁ, אֲשֶׁר הָעִיר קוֹרֵעַ,
וּבְעֵצְמִי אֲנִי יוֹדֵעַ.

בָּךְ כָּל הַהִתְחַלּוֹת שְׁמַתְחִילִים
הוֹפְכוֹת סוּפִים טוֹבִים וְעִגְלִים.

וְבִי כָּל סוּף שָׁלוֹ הוּא אוֹת זְנוּק,
וְקִרְבָּתְךָ – לִי שַׁעַר לְרַחֲוֶה.

*

רְאִי, אֲנַחְנוּ שְׁנַיִם מִסְפָּרִים,
עוֹמְדִים יַחַדוֹ וּמִתְחַבְּרִים

אוּ מִתְחַסְּרִים, כִּי סוּף-סוּף הַסִּימָן
מִשְׁתַּנָּה מִזְמַן לְזְמַן.

הִיָּה קִשָּׁה כָּל-כָּךְ עַד שֶׁהִגַּעְנוּ
לְעַמֵּד יַחַדוֹ, וְגַם יִדְעֵנוּ

כְּפָלִים שֶׁל אִשָּׁר, גַּם שְׂבָרִים,
כְּאִשָּׁר יִקְרָה לְמִסְפָּרִים.

Под нами мир – деления знак. Однако,
Ты не пугайся. Посмотри: под знаком,

Под грозною чертой, созревши в срок,
Наш общий знаменатель дал цветок.

*

Как воды, что, собравшись в высоте,
Текут по трубам в вечной темноте

И ждут покорно в толще стен, покуда
Их, кран открыв, не вызволят оттуда,

Так я, издалека придя к тебе,
Во тьме своей замкнулся, как в трубе.

Мечтаю страстно твой услышать зов
И для тебя на всё всегда готов.

Как только я могу, служить любви
Из тьмы своей явлюсь, лишь позови.

Но посмотри, как велика

Но посмотри, как велика теперь разлука по сравнению со встречей.
Уже не близняшки, уже не сёстры,
Уже не стоят рядом.
Что листик встречи, бабочка часов, проведённых вместе,
Против небес разлуки, против длины дороги, где нет места памяти!
Что глоток тёплого воздуха изо рта любимой,
Что ладошка ребёнка
В осенних бурях и под зимними сугробами,

גם עתה, תחתנו, העולם קו שבר –
אל תיראי, הביטי איך מעבר

לאותו הקו פרח לנו עכשו
המכנה המשותף.

*

כמים שממגדלים
זורמים בצנורות האפלים

ומחכים, בענוה, בקרב
קירות עבים עד לפתיחת הכרז,

כן גם אני, שבאתי ממרחק,
עכשו, קרוב אליך, באפלי נדחק,

ומחפה שאת תרצי בי. וכל עת
אשר תרצי בי לשרת

ולאהב אותך, בדרך משלי,
אבוא אליך מאפלי.

אבל ראי

אבל ראי, כמה מגזמת עתה הפרידה ליד הפגישה.
לא עוד אחריות תאומות, לא עוד אחריות,
לא עוד נצבות יחדיו.
אלא עלה הפגישה, פרפר השהות
מול שמי ההפרידה ולארה הדרך שאין בה זכירה,
אלא האויר החם והקטן שבפי האהובה,
אלא פנים כף ידו של ילד
בתוך הסערות הסתיויות, בין קמורות החורף הרמים,

Что карие глазки
В просторе, который перед глазами!

אלא העין הקטנה והחומה
בתוך המרחב הנורא, הנראה.

Посмотри, что творят времена года с полями и горами,
Что творят войны с городами
И чего не сотворили с тобой слова мои,
И как не смогли руки мои изменить оттенка твоих волос.
И как смогла разлука!

ראי מה שעושות העונות לשדות ולהרים,
מה שעושות המלחמות לערים,
ומה שלא עשו דברי לך,
ואיך ידי לא שנו את גון שעריך.
ואיך הפרידה!

Мы здесь любили
(цикл сонетов)

אהבנו כאן
[מחזור סונטות]

1.

[א]

Отец мой был четыре года на войне,
Ни злобы, ни любви к врагам не сохраняя.
Но день за днём (уверен я вполне)
Спокойствием своим он создавал меня.

אבי היה ארבע שנים במלחמתם,
ולא שנא אויביו ולא אהב.
אבל אני יודע, כי כבר שם
בנה אותי יום-יום משלוותיו.

Среди разрывов бомб в дыму атак
Покоя пыль пытался собирать
И добавлял в потрепанный рюкзак
К остаткам пирога, что положила мать.

המעטות כל-כך, אשר לקט
אותן בין פצצות ובין עשן,
ושם אותן בתרמילו הממרטט
עם שארית עגת-אמו המתקשה.

В глазах своих он, не жалея сил,
Всех безымянных павших собирал,
Чтобы потом я их, как он, любил.

ובעיניו אסף מתים בלי שם.
מתים רבים אסף למעני,
שאכירם במבטיו ואוהבם

Чтоб, как они, я не горел в огне дорог,
Глаза наполнил ими... Всё не впрок:
И я всех войн своих не миновал.

ולא אמות כמוהם בזנעה...
הוא מלא עיניו בהם והוא טעה:
אל כל מלחמותי יוצא אני.

2.

[ב]

Раздумья шли к нему издалека.

המחשבות באו אליו כשירת

Так цепь машин подходит грузовых
С боеприпасами к позиции полка.
Он разгружал, распределяя их

По предложениям, и выстрелы среди слов
Как знаки препинания разместил.
А, когда вздрогнула земля, - к всему готов –
Меня своей любовью зародил.

Он кончиками пальцев ощущал
Цветенье, словно ветками, весной
И ждал плода... Но воздух залп взорвал.

Там, раненый, сползая под откос,
Как Валаам², благословенье произнёс,
Предвидя всё, что сбудется со мной.

6.

В безмолвной комнате своей в объятьях сна
Мы замурованы ночами, как в гробнице
Огромной пирамиды, тишина
Песком столетий сверху громоздится.

Проходят поколения вовне.
Недвижны саркофаги в строе строгом.
Смотрите: протянулась по стене
На старой фреске наших душ дорога.

Там в лодке двое правят стоя, а меж ними
Гребут гребцы под звёздами чужими.
Нил времени течёт. Открытий нет.

מכוניות האספקה בטרם-קרב.
הן באו לו אחת, אחת, אחת,
והוא פרק אותן והוא חשב

אותן במשפטים מסודרים.
היריות היו פסיקים ונקודות.
האדמה התפוצצה בעת הקרים
אותי, שקט, על פני אהבתי.

ובאבי, בקצות אצבעותיו,
הרגיש כענפים דגדוג פריחה
והתכונן לפרי... אבל בסתו

נפצע בשתי רגליו והתפתל
באדמה. וכבלעם חזה, נופל,
את כל ימי, ושר את הברכה.

[ו]

ובלילות חדרנו נאטם
פקבר פירמידה. מעלינו
הר הדממות זרות, כחול מורם,
דורות רבים על פתח משכנו.

ועת גופינו ישנים מאד,
על הקירות שוב מצטיירת
הדרך בה עוברות הנשמות
שלנו. התראים? סירה עוברת

ושנים בה עומדים, השאר חותרים.
וכוכבים מעל, כוכבי האחרים
יאור הזמן נושא בלי לפתר.

² Согласно библейскому рассказу, колдун Валаам, вместо того, чтобы проклясть израильтян, благословлял их (ТОРА, Числа, 22,9)

Мы, мумии, лежим, спелёнуты любовно,
Недвижны. Так проходит вечность ровно,
А утром археолог вносит свет.

ואָנוּ חנוּטִים בְּאַהֲבָה רַבָּה.
וְאַחֵר הַנֶּצַח בְּקֶרֶב בָּא;
אַרְכֵּיאוֹלוֹג עָלִיז – וְלוֹ הָאֹר.

Песня на музыку Гиди Корена в исполнении Ноэми Ротэм на сайте
http://www.youtube.com/watch?v=9R_zLRTCYYV

10.

[י']

Мы, самым малым удовлетворясь
(Не как захватчики, что мчат в пылу атак,
Пока бензин в моторах не иссяк),
Влюблённые, вошли не торопясь –

מִדַּדְנוּ אֶת שְׁלֵנוּ, הַמַּעַט –
וְהַסְתַּפְקֵנוּ, לֹא כְמוֹ כּוֹבָשִׁים,
הַדּוֹהָרִים עַד כָּלוֹת כָּל הַבְּנִיין.
נִכְנְסֵנוּ אוֹהֲבִים מֵאֵד, בְּלֹאט,

Ты, чтобы стать моей, а я – твоим.
Открыв глаза, шли, опасаясь вдруг
Случайно что-то изменить вокруг:
Пусть каждый шагом впрёд идёт своим.

אֶת לְשָׁלִי, וְלִשְׁלֶךְ – אֲנִי,
פְּקוּחֵי עֵינַיִם, זְהִירִים,
בֶּל נִשְׁנֶה דָּבָר מִן הַדְּבָרִים,
וְבֶל עֲקֻבוֹת אֶחָד בְּתוֹךְ שָׁנִי.

Но с каждой осенью всё более глубок
Вбирает жизни две один поток.
Он в общем русле к морю нас несёт.

וּבְכָל-זֹאת – עִם נוֹעַ הַסְתָּוִים,
הָיוּ חַיֵּינוּ לְשׁוּיִם,
עָרוּץ אֶחָד נִבְקַע בָּנוּ עַד חוֹף.

И, даже вазу повернув слегка,
Мы знаем: нас ведёт судьбы рука.
К добру или ко злу – как повезёт.

כָּבֹר עִם שְׁנוֹי מְקוֹם הָאֶגְרֵטל,
יָדַעְנוּ: בָּנוּ יָד תִּבֵּל
הַחֲלָה לְשָׁנוֹת אִם רַע, עִם טוֹב.

11.

[יא']

Кувшин немолод, в нём вода до края –
Умна и холодна от верха и до дна,
А наша кровь с тобой бурлит не остывая
И мечется, грехов полна.

כִּדְנוּ מִבְּגֵר וּבוֹ הַמַּיִם,
קָרִים וְחֻכְמִים עַל אֶדֶן הַחֲלוּן.
אָבֵל דָּמְנוּ, דָּם הַשָּׁנִים,
חֵם וּמִתְרוֹצֵץ וּמֵלֵא עוֹוֹן.

Вскипит и пропадёт письмом без марки,
Но в нас любви микроб плодится, распирая грудь.
Ты – зной, дыхание пустыни жаркой!
Куда направлен наших жизней путь?

И из каких глубин, с каким напором?
Вот вечер горизонт завесил. Скоро -
Иллюзия прохлады в соснах, полог тьмы.

Вода в кувшине высохла в покое.
Ещё немного, станем маленькими мы
В глубинах сна, что больше нас с тобою.

12.

И снова спуск; мы вниз идём, покинув выси
И голоса сложив в молчание, как в шкаф.
Да, что-то было, нашу жизнь возвысив –
Обычную строку в заглавие подняв.

Теперь забвения становятся длиннее,
Как тени ближе к ночи, каждый час.
Ты видишь: сделав буйные шоссе смирнее,
Их горы за собой уводят, как и нас.

Вновь разговор двоих о цели и пути,
А вечер тёплый не торопится уйти.
Оазис тих наш, нам никто не нужен.

Но наша жизнь уже не сплав из двух.
Она, как хлеб, нарезанный на ужин:
Вчера был свеж, сегодня – груб и сух.

13.

וְהוּא יֵאבֵד כְּמִכְתָּבִים בְּלִי כְתָבָת,
רַק אֶהְיֶתנוּ מִתְרַבֶּה כְּחִידָקִים.
חֲמִסִּינָאִית שְׁלִי, שְׂרוּבָה, שְׂרָבֶרֶת,
לֹאן חַיֵּינוּ נִדְחָקִים –

מֵאִיזוֹ בָּאָר, בְּאִיזָה דְפֶקָ?
הִנֵּה הָעֶרֶב נֶעְרָךְ בְּאַפְקֵי,
וְאַשְׁלִי צָנָה תִּהְיֶה בְּאַרְנִים.

כָּל הַמַּיִם כָּבֵר יְבֹשׁוּ מִתּוֹךְ כְּדִי,
וְעוֹד מַעֵט נִהְיֶה קִטְנִים
בְּתוֹךְ שָׁנָה שֶׁהִיא גְדוֹלָה מְדִי..

[יב]

וְשׁוּב מוֹרֵד וּמִתְקַפֵּל קוֹלְנוּ
אֶל שְׁתִּיקֵתְנוּ כְּמוֹ אֶל תּוֹךְ אֲרוֹן.
הַמֵּאֲרָע אֲרַע אֲשֶׁר הָרִים חַיֵּינוּ
כְּמוֹ שׁוֹרֵת כּוֹתֶרֶת לְפִסְגֹּת עֵתוֹן.

עֲקֹשׁוּ הַשְׂכָּחוֹת כְּמוֹ צִלְלִים בְּעֶרֶב,
גְּדְלוּ מְאֹד, כְּבָדוּ בְּאֵין מְרִים.
רְאִי, כְּמוֹנוּ כָּל כְּבִישֵׁי הַפָּרָא
יִבְּלוּ מֵאַלְפִים אֶל הָהָרִים.

וְשׁוּב שִׁיחָה בֵּין שָׁנִים, וְהָעֶרֶב
חֵם וּמֵאֲרִיף לְשִׁהוֹת אֶצְלָנוּ
שֶׁקֶט נִוְנוּ, אִישׁ אִינוּ נִכְנָס.

אֲבָל חַיֵּינוּ מִתְקַנְשִׁים, חַיֵּינוּ
כְּפִנֵי הַלֶּחֶם שֶׁאֶתְמוֹל נִפְרַס –
אֶתְמוֹל טָרִי, הַיּוֹם יְבֹשׁ וְגַס.

[יג]

Дождь вечером на крышу дробь обрушил,
Как будто что-то главное забыл сказать.
Он обращался к нам, хотел излить всю душу,
Но не нашёл внимания опять.

У берега шумит, волнуясь, море,
Как после важного сообщения народ.
В туманной дымке радуется поле,
На склонах гор заждавшееся вод:

Добавилось ещё два дня зелёных!
Но в нас уже нет сил былых влюблённых.
Лишь изредка мечта мелькнёт одна.

И мы вдвоём с тобой плывём куда-то
Внутри домов в венце антенн рогатых
В солёной пене моря сна.

14.

Нас колокол считал. Нас было двое.
И были мы надежд полны тогда.
Мы бросили всё разом, как чужое,
Как комнату – вдруг раз и навсегда.

Будто из глаз, подуло ветром новым.
Как мочка уха, изогнулся лист,
Чтобы услышать каждый шёпот слова
И позабыть не медля – зелен, чист.

Деревья в путь отправились далече
Вдоль по аллее, где прохожих не видать.
Один ещё придёт. Других нет смысла ждать.

Ты одинока, словно банк под вечер,

אָבֿל בֿלִילָה שׁוֹב חֲזָר הַגָּשֶׁם,
כְּמוֹ אֶחָד אֲשֶׁר שָׁכַח לֹאמַר
אֶת הָעֵקֶר – בִּקֵּשׁ עוֹד פְּעַם קֶשֶׁב
וְלֹא מֵצָא, וְהוּא עֶבֶר.

וְרַק הַיָּם, לִיד הַחוּף, נִרְעָשׁ עוֹד
כְּעַם אַחֵר הַהִכָּרְזָה הַחֲשׂוּבָה.
וּבְהָרִים הַשְּׂרָבִיִּים, בֵּין הַטְּרַסוֹת,
לְדָשָׁא הָעֵנִי, בַּעֲנָוָה,

נוֹסְפוּ יוֹמִים יִרְקִים שֶׁל אֲשֶׁר.
רַק לָנוּ נִסְגְּרָה שְׁעַת הַלָּשָׁר –
הַפְּכוּיִים שְׁבִים אֶחָד-אֶחָד.

אֲנַחְנוּ עוֹד שְׁטִים שָׁמָּה וְהֵנָּה.
בְּתוֹךְ בֵּתִים עוֹטְרֵי אֲנִטָּנוֹת.
עַל פְּנֵי שָׁנָה זֹעֶפֶת וּמְלוּחָה.

[יד]

וּפְעֻמּוֹן הַחֹל, לֹאט, לִסְפָּר אוֹתָנוּ,
וְהַתְּקוּוֹת הָיוּ כְּמוֹ שִׁלְשָׁם.
עֲזָבָנוּ אֶת הַלֵּל, כְּלֹא שָׁלָנוּ,
כְּחֹדֶר שְׁעוֹזְבִים אוֹתוֹ פְּתָאם.

וְרוּחַ בָּאָה כְּמַתּוֹךְ עֵינִים.
כְּאַפְרָכְסֵת אֶזֶן נִתְקַעַר הַנּוֹף
לְשִׁמְעַ כָּל הַרְחָשׁ בֵּין הַשָּׁנִים,
לְשִׁמְעַ וְלִשְׁכַּח אֶת הָרֵב.

וּכְבֵּר הָאֵילָנוֹת יֵצְאוּ לְדֶרֶךְ
לְאַרְךָ הַשְּׁדֵרָה שְׁאִין בָּהּ אִישׁ.
אֶחָד יִגִּיעַ רַק. הַשָּׂאֵר בְּכַבִּישׁ.

וּכְבֵּר אֶת לְבַדָּהּ, כְּבִנְיָן בְּעֶרֶב,

Где, как в тебе, хранится золотой запас.
И ночь забвения идёт, стирая нас.

17.

Мы выйдем... А тогда был комендантский час.
В ритм сердцу под окном шагали патрули.
Впервые чувств плоды налились соком в нас.
Мы поняли, что мы созрели для любви.

О мысль усталая, как небеса над нами –
Над любящим и сторожем его!
А в маленьком горшке в оконной раме
Цвела надежда, что в конце всего

Без крови можно и без дикой пляски...
Но с нами сны взрослеют и, как в сказке,
Уйдут, как сын, чей вдруг сменился голос,

Как падает зерно, покинув колос,
Как линза падает из стареньких очков,
Как из венца алмаз и время из часов.

18.

Пролог: деревья, море, юных двое.
Лишь друг на друга устремлён их взгляд.
Отец встревожен: город перед боем,
А вдалеке погибшие лежат.

А вот и кульминация рассказа:
Война и дым из окон, как из дыр.
И первый отпуск – он, она и сразу
Мать из могилы: "Дети, будет мир!"

עם הזָּהָב שֶׁבְּתוֹכִי, שֶׁבְּתוֹכָהּ,
וְלִיל הַשְׁכָּחָה יָבוֹא לוֹחֵה.

[יז]

הַלִּילָה שׁוֹב נִצָּא. הִיָּה אֵז עֶצֶר,
הַמְשָׁמְרוֹת פָּסְעוּ הַלֹּךְ וְשׁוֹב, כָּלֵב.
וְאֵז לְרֹאשׁוֹנָה הִרְגָּשְׁנוּ מֵה זֶה בֶּסֶר,
כִּי אֵז בְּשִׁלְנוּ, כָּל אֶחָד אוֹהֵב.

הוּא מִהִשָּׁבָה לָאָה כְּמוֹ שְׁמַיִם
מַעַל אוֹהֵב וּמַעַל צָר.
וּבְעֵצִיץ הַקָּטָן, עַל קִיר חֲדָרֵנוּ,
פָּרְחָה תִּקְוָה קִטְנָה, שֶׁעוֹד אֶפְשָׁר

בְּלִי כָּל הַדָּם וּבְלִי מַחֲוֹל שָׂדִים...
גַּם חִלּוּמוֹת שִׁלְנוּ מִתְבַּגְּרִים,
עוֹזְבִים כְּבֵן אַחֵר חֲלוּף הַקּוֹל.

נִחְתֵּף הַיּוֹם, הַגַּעְנוּ עַד בְּרִזָּל.
רְחוּק מִכָּאן מִשְׁהוּ נוֹפֵל,
כִּי־הַלּוֹם מִכְתֵּר, זְמַן מִתּוֹךְ שְׁעוֹן.

[יח]

הִנֵּה מִבּוֹא: הַשָּׁנִים, הַמַּצָּב,
אוֹלֵי הַכֶּרֶחַ, וְאִילָנוֹת וְיָם,
וְאֵב מִדָּאָג, וְעִיר בְּטָרֶם קָרֵב,
וּמִרְחוּק מֵתִים שְׂאִין לְהַכִּירָם.

וְאַמְצַע הַסְּפוּר עֲכָשׁוּ, אוֹלֵי הַשִּׁיא –
הַמִּלְחָמָה. עֲשֵׂן בְּמִקּוֹם רְחוּב,
יּוֹם חִפְשָׁה רֹאשׁוֹן, וְהוּא וְהִיא,
וְאִם מִרְגַּעַת מִקְבְּרָה: יְהִיָּה עוֹד טוֹב.

Последний смех: в его фуражке встала,
Её напялив задом наперёд.
О, как красива, как ей всё идёт!

А после, за заборами квартала
Разлуки призрак, как убийцы тень.
И ночь идёт. Грядёт, как Судный день.

22.

Тут есть у бед отец и мать, и дети бродят.
Смерть, как налоги, - в рамках заданных границ.
Есть у иллюзий дом, и вывеска при входе:
Надежда всё ещё прекрасна, вся в тени ресниц.

Лишь разочарованиям нет места, чтобы жить.
В киосках шумных станций, там — открытка та же
С пейзажем, что на этом месте мог бы быть,
И по сей день находится в продаже.

Газетами шурша, вечерний ветер тянет,
А комментариев букет, бледнея, вянет.
Ассортимент мороженого в парке — в самый раз.

А безработные и инвалиды, те сейчас
Как птицы певчие в садах поэзии творцов,
Вместо былых кукушек-соловьёв.

Из книги "На расстоянии двух надежд" (1959)

Бог, преисполненный милосердия

(начало траурной молитвы)

Бог преисполнен милосердия.

וְזֶה הַצְחֹק הָאַחֲרוֹן: אֶת כּוֹבֵעַ
הַחִילִים שָׁלוּ חֲבֻשָּׁה מִלִּי הָרָאִי.
וְכֵן יָפְתָהּ, וְכוֹבְעוֹ הִתְאַיִם.

וְאַחֲר־כֵּן, מֵאַחֲרֵי בְּתִי הָרִבֵּעַ,
פְּרִידָה כְּרֻצַּח בְּדָם קָרָה,
וְלִילָה בָּא, כְּאַחֲרִית דְּבָרָה.

[כב]

פֶּה לַצְרוֹת יֵשׁ אֵב וְאֵם וְיֶלֶד –
וְהַמִּיתוֹת גַּם הֵן קְבוּעוֹת, כְּמוֹ מַסִּים.
לְאַשְׁלִיּוֹת יֵשׁ בֵּית וּבְבִית שְׁלֵט,
וְהַתְקִנָּה עוֹדָה יָפָה וְאַרְכַּת רִיסִים.

וְרַק הָאַכְזָבוֹת לֹא הִסְתַּדְּרוּ לַחֲיוֹת, -
לִיד הַתַּחֲנוֹת הָרוֹעֲשׂוֹת נִמְכָּרָה
אוֹתָהּ הַגְּלוּיָה הַמְצִיגָה
שֶׁל נוֹף, אֲשֶׁר יָכוֹל הִיָּה לַחֲיוֹת.

וְעִתּוֹנִים מְרֻשָּׁרְשִׁים בְּרוּחַ עָרָב,
פְּרָחֵי הַמַּסְקָנוֹת אֵט נִסְגָּרִים,
הֵגֶן פְּתוּחַ וּמוֹכְרִים גְּלִידָה.

נָכִים וּמְחֻסְרֵי הָעֵבֹדָה
הֵם צִפְרֵי הַזֶּמֶר בַּעֲצֵי מְשׁוֹרְרִים,
בְּמִקְוֵם הַקּוֹקֵיָה וְהַזְמִירִים.

"במרחק שתי תקוות"

אל מלא רחמים

אל מלא רחמים,

Если бы не был Он преисполнен,³
Было бы милосердие в мире, а не только в Нём.
Я, собиравший цветы в горах,
Заглядывавший во все долины,
Я, выносивший трупы с холмов,
Могу подтвердить, что милосердия в мире нет.

Я, бывший "солью" всего у берега моря,
Стоявший у окна не в силах принять решение,
Считавший шаги ангелов,
Я тот, чьё сердце поднимало гири боли
На страшных чемпионатах.
Я, пользующийся лишь малой долей
Тех слов, что есть в словаре,

Я, поневоле разгадывающий загадки,
Знаю, что если б не был преисполнен милосердия Бог,
Было бы милосердие в мире,
А не только в Нём.⁴

Я не готов

Списки мёртвых, алфавитный порядок храня,
Господь спрятал в ящик до Судного дня.
Был свидетель, доложил суду – да и был таков.
Когда-то я мог, а сейчас не готов.

В кинозале к каждому креслу прибит номерок.
Где-то час моей смерти помечен и в пустыне песок.
Она будет здесь, все тут будем: закон таков.

אֶלְמָלָא הָאֵל מְלֵא רַחֲמִים
הָיָה הַרְחָמִים בְּעוֹלָם וְלֹא רַק בּוֹ.
אֲנִי, שְׂקֻטִּפְתִּי פְּרָחִים בְּהָר
וְהִסְתַּקְלֹתִי אֶל כָּל הָעֲמָקִים,
אֲנִי, שֶׁהִבֵּאתִי גוֹיֹת מִן הַגְּבָעוֹת,
יָדַע לִסְפֹּר שֶׁהָעוֹלָם רִיק מִרַחֲמִים.

אֲנִי, שֶׁהָיִיתִי מֶלֶךְ הַמֶּלַח לֵיד הַיָּם,
שְׁעַמְדָתִי בְּלִי הַחֲלָטָה לֵיד חֲלוּנִי,
שְׂסַפְרָתִי צַעְדֵי מְלָאכִים,
שְׁלִבִי הָרִים מִשְׁקָלוֹת כָּאֵב
בַּתְּחָרִיז הַנוֹרָאוֹת.
אֲנִי, שֶׁמִּשְׁתַּמֵּשׁ רַק בְּחֶלֶק קָטָן
מִן הַמֵּלִים שֶׁבַּמְּלוֹן.

אֲנִי, שֶׁמִּכְרַח לַפֶּתוּר חִידוֹת בְּעַל כְּרָחִי
יָדַע כִּי אֶלְמָלָא הָאֵל מְלֵא רַחֲמִים
הָיָה הַרְחָמִים בְּעוֹלָם
וְלֹא רַק בּוֹ.

אינני מוכן

שְׁמוֹת הַמֵּתִים בְּמַצָּבָה לְפִי אֶלֶף בֵּית.
אֱלֹהִים סָגַר אֶת הַמַּגָּרוֹת לְעוֹלָם וָעֶד.
הָעֵד הָעֵיד וְיָרַד מִן הַדּוֹקָן.
פַּעַם הָיִיתִי; וְשׁוֹב אֵינִי מוֹכֵן.

כְּמוֹ בְּקוֹלֹנוֹעַ הַמֶּקוֹם מִסְּמַן בְּמִסְפָּר,
וְכֵן שְׁעוֹת מוֹתִי. וְכֵן חוֹלוֹתִי בְּמַדְבָּר.
הִיא תִּהְיֶה כָּאֵן. כָּלֵם יְהִי כָּאֵן.

³ На иврите игра слов: "ильмале" – если бы не..., "эль мале" – Бог, полный (милосердия)

⁴ Список стихотворения был найден в вещмешке солдата, погибшего во время штурма Старого города в Иерусалиме в 1967г. во время Шестидневной войны

Когда-то я мог, а сейчас не готов.

פַּעַם הָיִיתִי; וְשׁוֹב אֵינֶנִּי מוֹכֵן.

Пророки остались в ТАНАХе, продолжают вещать.
Кран забыли закрыть, огонь не спешат укрощать -
Соглашался на должность любую: я был таков,
Когда был... (но это - тогда, а сейчас не готов.)

נְבִיאִים נִשְׁאַרוּ בַּתַּנ"ךְ וּמַמְשִׁיכִים לְהַתְנַבֵּא,
הַבֵּרֵז נִשְׁאַר פְּתוּחַ. אֶת הָאֵשׁ אֵין מְכַבֶּה.
בִּקְשָׁתִי לִי תִפְקִיד וְלוֹ אֵף קָטָן.
בְּעֵת שְׁהֵיִיתִי (אֲבָל שׁוֹב אֵינֶנִּי מוֹכֵן).

Профессор пытался учить нас давать уму
Свободу в работе группами и по одному.
Я слушал его, не следя за потоком слов.
Я, видно, тогда ещё не был готов.

פְּרוֹפֶסוֹרִים הִרְאוּ מַחְשְׁבָה חִפְשִׁית
וּמַחְשְׁבָה עַל מְכַשִּׁירִים, בִּקְבוּצוֹת וּבְיַחֲד.
אֵף רַב דְּבָרֵיהֶם נִשְׁאַרוּ לִי לֹלֵא מוֹכֵן.
כְּנִרְאָה שְׁעֵדִין לֹא הָיִיתִי מוֹכֵן.

Во мне обнажённые горы бродят, надежду будя.
Море помнит тебя, но оно забыло меня.
Что же, морю не больно под бронёй валов.
Если б я был таким же! Но я не готов.

הַהָרִים הַחֲשׁוּפִים נוֹדְדִים בְּתִקְוָתִי.
הֵיִם זֹכֵר אוֹתְךָ וְשָׁכַח אוֹתִי,
לֵיִם לֹא יָכָאב. הֵיִם מְחַסֵּן.
וְלוֹאִי וְהָיִיתִי כְמוֹהוּ. אֵף אֵינֶנִּי מוֹכֵן.

Я, как святость субботы, тебя обещал хранить,
Чтоб тебе не пришлось одной в этом мире жить.
Мы почти преуспели, но нам не хватило годов,
Хоть была ты готова и я был готов.

הַבְּטַחְתִּי לְשֹׁמֵר אוֹתְךָ כְּמוֹ שַׁבָּת.
רְצִיתִי לֹא לְהִשְׁאִירָךְ לְבַד.
כְּמַעַט וְהִצְלַחְנוּ לְאַהֲבָה, אֵלּוּ הָיָה לָנוּ זְמַן,
וְהָיִית מוֹכְנָה, וְהָיִיתִי גַם אֵנִי מוֹכֵן.

Но наступит миг, когда чаша будет полна.
И вскипит душа твоя, и воскликнет она:
"Я сыта по горло! Решай, и не надо слов".
И совсем не важно, будешь ли ты готов.

הַמַּיִם יִגִּיעוּ עַד נֶפֶשׁ וַיֵּאמְרוּ:
"הִגַּעְנוּ אֵלֶיךָ אַחֵר כֹּל הַדְּבָרִים שֶׁקָּרוּ,
כְּאֵנוּ מֵרְחוֹק. וְעַכְשָׁו אֲנַחְנוּ כָּאֵן.
בֵּין אִם תִּהְיֶה וּבֵין אִם לֹא תִהְיֶה מוֹכֵן".

Из троих или четверых

משלשה או ארבעה בחדר

Из троих или четверых в комнате
Всегда один стоит у окна.
Он обязан разглядеть несправедливость среди бурьяна
И пожар на холме,
И, как людей, которые ушли и заплатили сполна,

מִשְׁלֶשֶׁה או אַרְבָּעָה בְּחֶדֶר
תָּמִיד אֶחָד עוֹמֵד לִיד הַחִלּוֹן.
מְכַרְח לְרֹאוֹת אֶת הָעוֹלָם בֵּין קוֹצִים
וְאֶת הַשְּׂרָפוֹת בְּגִבְעָה.
וְכִיצַד אֲנָשִׁים שִׁיָּצְאוּ שְׁלֵמִים

Возвращают под вечер домой, словно сдачу.

Из троих или четверых в комнате
Всегда один стоит у окна.
Тёмные волосы прикрывают его мысли.
Позади него слова,
А перед ним голоса, блуждающие без рюкзаков,
Сердца без пайков, пророчества без фляжек
И большие камни, которые кто-то сложил
И оставил закрытыми,
Как письма без адреса и адресата.

Не как кипарис

Не как кипарис –
Вдруг, внезапно, весь сразу,
А как поле – тысячей осторожных зелёных выдохов,
Как прячется ватага детей играя,
И один ищет всех.

Не как воин единственный,
Храбрый сын Киша, которого люди отыскиали
И поставили над собою царём,⁵
А как дождь, что идёт в одно время в разных местах
Из разрозненных туч, проникает повсюду и пьётся
Сотнями ртов. Так, чтобы, не сознавая, вдыхали меня,
Словно воздух весь год; чтоб рассеялся я, как весною пыльца.

Не как резкий звонок, что пугает
Задремавшего на дежурстве врача,
А как стук осторожный во много окошек

מחזרים בערב כמטבעות עֶדֶף לְבִימָם.

משלשה או ארבעה בחדר
תמיד אחד עומד ליד החלון.
שערו האפל מעל למחשבותיו.
מאחוריו המלים.
ולפניו הקולות הנודדים בלי תרמיל,
לכבות בלי צידה, נבואות בלי מים
ואבנים גדולות שהושבו
ונשארו סגורות כמכתבים שאין
להם כתבת ואין מקבל.

לא כפרוש

לא כפרוש,
לא בבת אחת, לא כלי,
אלא כדשא, באלפי יציאות זהירות-ירקות,
להיות מסתר כהרבה ילדים במשחק
ואחד מחפש.

ולא כגבר היחיד,
כבן-קיש, שמצאוהו רבים
ועשו אותו למלך.
אלא כגשם בהרבה מקומות
מעננים רבים, להתחלחל, להיות שתי
פיות רבים, להיות נשום
כאור בשנה ומפזר כפריחה באביב.

לא הצלצול החד, המעורר
בשער הרופא התורן,
אלא בדפיקות, בהרבה אשנבים

⁵ Царь Саул - первый царь объединённого Израильского царства (XI-й век до н. э.). Окружённый вражескими лучниками, Саул бросился на свой меч (ТАНАХ, Пророки, Самуил, I, 9)

У дверей боковых. Как удары бесщётные сердца.

А потом — уход, тихий, как дым.
Без торжеств. Уходящий в отставку министр.
Уставшие после долгой игры дети.
Скатившийся сверху с откоса к подножию камень,
Достигающий, наконец, отречения долины,
Из которой, подобно мольбам,
Что приемлют вверху небеса,
Поднимаются тысячи лёгких пылинок.

Приходи поиграть

В воскрешение мёртвых приходи поиграть
Иль в игру, где немногим против многих стоять.

В птиц любви перелёты поиграем с тобой,
Может, в "сыщики-воры", в "догонялки" с мечтой.

Будем в "классики" прыгать, расчертив мелом мир.
Может быть, и другие выйдут к нам из квартир.

В тишину поиграем, где нужды нет в словах,
Или в "прятки", скрываясь, как пустыня в песках.

Между двумя точками проходит только одна прямая

(правило геометрии)

Поженились юная звёздочка с красным карликом-старой звездой.
Вспоминаю немецкую песенку, что грозит нам знаменье бедой.
Напрягаю память. Вдруг фраза из забвенья всплывает со дна:
Меж двумя отдельными точками существует прямая одна...

בכניסות צדדיות, בהרבה דפיקות לב.

ואחר-כך היציאה השקטה, כעשן
כלי תרועה. שר מתפטר.
ילדים עיפים ממשחק.
אכן בגלגולים האחרונים
לאחר המורד התלול, במקום שמתחיל
מישור הותור הגדול, אשר ממנו,
כתפילות המתקבלות,
עולה אבק בהרבה רבוא גרגירים.

בואי נשחק

בואי נשחק תחית מתים,
בואי נשחק רבים נגד מעטים.

ומשחק מסע הצפרים של אהבה,
ומשחק שוטרים וגנבים של יאוש ותקוה.

בואי נשחק בקפיצות בין גבולות גיר על העולם.
בואי נשחק, האחרים יצטרפו גם

הם. ומשחק השקט, כשאין עוד מה לומר
ומשחק התופסת שאין לו סוף במדבר.

דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד

יש משפט בהנדסה האומר, כי דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד

כוכב צעיר התחתן עם כוכבה
ובפנים דבר גרמנית על סכנה קרובה.
רציתי להזכר בזמר וזכרתי רק את המשפט,
כי דרך שתי נקודות עובר רק קו ישר אחד.

Мне для более многих достаточно всего нескольких твоих слёз.
Так вагоны волочит, мучаясь, в гору маленький паровоз.
Что? Когда мы домой вернёмся? Ты ещё потерпеть должна.
Меж двумя отдельными точками существует прямая одна.

Иногда нас всего лишь двое, иногда нас нельзя сосчитать.
Иногда, кто ведёт нас куда-то и куда ведёт – не понять.
На иврите о солнце мы можем и "он" сказать, и "она".
Меж двумя отдельными точками существует прямая одна.

Наша жизнь идёт то, как писано, то вдруг, как повелят года.
Предстоящую жизнь в мире будущем проживаем здесь иногда.
Наша жизнь то едва плетётся, то галопом мчит, сил полна.
Меж двумя отдельными точками существует прямая одна.

Песня на музыку Шломо Арци в его исполнении на сайте
<https://www.youtube.com/watch?v=cCqGnplGdAY>

Ко дню рождения

Тридцать два раза я выходил в жизнь,
С каждым разом всё менее болезненно для мамы,
Не так больно для других,
Но всё больнее для себя.

Тридцать два раза я одеваю на себя мир
И он пока не притёрся,
Давит на меня.
Не то что пиджак, повторяющий форму моего тела, -
Тот удобен...
И будет изнашиваться всё больше.

Тридцать два раза я проверял расчёт

בְּכֵיךְ הַקָּטָן מִסְפִּיק לְהִרְבֵּה כְּאֲבִים,
כְּמוֹ קֶטֶר הַמוֹשֵׁךְ קְרוֹנוֹת רַבִּים.
מִתִּי נָשׁוּב הַבֵּיתָה? חֲכִי עוֹד מְעַט.
כִּי דֶרֶךְ שְׁתֵּי נִקְדוֹת עוֹבֵר רַק קוֹ יֵשֶׁר אֶחָד.

לְפַעֲמִים הַשֶּׁמֶשׁ זָכָר, - נִקְבָּה,
לְפַעֲמִים אֲנַחְנוּ שְׁנַיִם, לְפַעֲמִים יוֹתֵר מִרְבָּבָה,
לְפַעֲמִים אֵינֶנִּי יוֹדֵעַ מִי יַחֲזִיק אוֹתָנוּ בְּיָד.
אֲבָל דֶּרֶךְ שְׁתֵּי נִקְדוֹת עוֹבֵר רַק קוֹ יֵשֶׁר אֶחָד.

חַיֵּינוּ שֶׁבְּכֹתֵב הָיוּ לְחַיֵּינוּ שֶׁבָּעַל-פֶּה.
חַיֵּינוּ שֶׁבְּעוֹלָם הַבָּא לְחַיֵּינוּ שֶׁבְּזָה.
חַיֵּינוּ הַמְּמַהְרִים וְחַיֵּינוּ הָעוֹבְרִים לְאֵט,
דֶּרֶךְ שְׁתֵּי נִקְדוֹת עוֹבֵר רַק קוֹ יֵשֶׁר אֶחָד.

ליום הולדת

שְׁלֹשִׁים וּשְׁתַּיִם פְּעַם יֵצְאֵתִי אֶל חַיֵּי
וּבְכָל פְּעַם מְכַאֵיב פְּחוֹת לְאִמִּי,
פְּחוֹת לְאַחֵרִים,
יוֹתֵר לְעַצְמִי.

אֲנִי לּוֹבֵשׁ אֶת הָעוֹלָם
וְטָרָם הִתְאַם לִי.
הוּא מַעִיק עָלַי.
שֶׁלֹּא כְּמַעִיל, שֶׁצּוֹרְתוֹ עֲכָשׁוּ צוֹרֵת גּוֹפִי
וְהוּא נוֹחַ
וְיִתְבַּלָּה.

עֲבַרְתִּי עַל הַחֲשָׁבוֹן

И так и не нашёл ошибки.
Каждый раз начинаю заново,
И мне не дают закончить.

בְּלִי לְמַצֵּא אֶת הַטְּעוֹת,
הַתַּחֲלָתִי אֶת הַסִּפּוּר
וְלֹא נִתְּנוּ לִי לִסְיָמוֹ.

Тридцать два года я ношу на себе черты характера своего отца
И большую часть их оставил в дороге,
Чтобы облегчить ношу.
Во рту вкус травы. Я удивляюсь,
И морщина между глазами, которую ничем не сотрёшь,
Начала по весне расцветать вместе с деревьями.
А дела мои сокращаются

שָׁנָה אֲנִי נוֹשֵׂא עִמִּי תְּכּוֹנוֹת אָבִי
וְאֶת רֶבֶן הַשְּׂרָתִי לְאֶרֶץ הַדֶּרֶךְ,
כְּדִי לְהַקֵּל מַעְלִי אֶת הַמַּשָּׂא.
וּבְפִי עֹשִׂיִים. וְאֲנִי תוֹהָה,
וְהַקּוֹרָה בֵּין עֵינַי, שֶׁלֹּא אוֹכֵל אוֹתָהּ לְטַל
הַחֲלָה לְפָרוֹחַ בְּאַבִּיבִים עִם אֵילָנוֹת.
וּמַעֲשֵׂי מִתְמַעֲטִים

Всё больше и больше. Но
Комментарии вокруг них всё разрастаются
Подобно тому, как Талмуд, становясь всё труднее,
Сокращается на листе:
Толкования и дополнения
Закрывают его со всех сторон.

הַלֵךְ וְהִתְמַעֵט. אָבֵל
הַפְּרוּשִׁים גָּדְלוּ סְבִיבָם, כְּמוֹ
כֶּשֶׁהֲתִלְמוּד נִכְשָׁה קֶשֶׁה
מִצְטַמֵּצִם בְּדֶף,
וְרָשִׁי וְתוֹסֵפוֹת
סוֹגְרִים עָלָיו מִכָּל צֵד.

Сейчас, после тридцати двух попыток,
Я – всё ещё басня
Без шансов стать моралью.
И я стою без маскировки на глазах у врага,
С устаревшими картами в руке,
Против растущего сопротивления,
Один между башен, без совета
В большой пустыне.

עֲכָשׁוּ, אַחֵר
אֲנִי עֵדִין מִשָּׁל
בְּלִי סְכוּיִים לְהִיּוֹת נִמְשָׁל.
וְעוֹמֵד בְּלִי הַסּוּאָה מוּל עֵינֵי אוֹיֵב
וּמִפּוֹת מִישָׁנוֹת בְּיָדִי
בְּהִתְנַגְּדוֹת הַגּוֹבֶרֶת וּבֵין מַגְדָּלִים
וּלְבָדִי, בְּלִי הַמְּלָצוֹת
בְּמַדְבָּר הַגָּדוֹל.

Матери

לאם

1.

[א]

Как старая ветряная мельница:
Всегда две руки подняты вверх, взывая к небу,

כְּמוֹ טַחֲנַת-רוּחַ יְשָׁנָה,
תָּמִיד שְׁתֵּי יָדַיִם מוֹרְמוֹת לְצִעּוֹק אֶל רִקְיָע

А две опущены вниз – нарезать ломти хлеба.

Глаза её чисты и блестят,
Как дом перед пасхальным вечером.

Ночью она разложит все письма
И фотографии – одну возле другой,

Чтобы по ним измерить
Длину Божьего пальца.

2.

Я хочу пройти по глубоким сухим руслам
Между её рыданиями.

Я хочу стоять в пекле
Её молчания.

Я хочу опереться
На шершавые стволы её боли.

3.

Она оставила меня,
Как Агарь Исмаила,⁶
Под одним из кустов.

Чтобы не видеть смерти моей на войне.
Под одним из кустов
В одной из войн.

ושתיים מורדות להכין פרוסות.

עיניה נקיות ומצחצחות
כמו ערב פסח.

בלילה תשים את כל המכתבים
והצלומים זה ליד זה,

כדי למדוד בהם
ארך אצבע האלהים.

[ב]

אני רוצה ללכת בודיות
העמקות שבין התיפוחיותיה.

אני רוצה לעמוד בשרב
של שתיקתה.

אני רוצה להשען
אל הגזעים המחספסים של כאבה.

[ג]

היא שמה אותי,
כהגר את ישמעאל,
תחת אחד השחים.

שלא תראה במותי, במלחמה,
תחת אחד השחים
באחת המלחמות.

⁶ Агарь и Исмаил – библейские персонажи

Поэт

Как рот младенца жадно пьёт сосок,
Он глазом жизнь искал, всего желал.
Хоть смену лет не чувствовать не мог,
Но он не попевал.

Взамен корней (как у кустов других)
Он отрастил пока-что только ноги
И, когда вдруг прихлынул к горлу стих,
Подумал: "Попишу немного".

Но срок пришёл. Раскрыв глаза, сумел
Своё предназначение понять.
И стал писать теперь, силен и смел,

Под натиском потребности глубинной,
Поставив тело прочною плотиной,
Чей створ всё в мире может удержать.

Молодой Давид ⁷

Когда восторг победы поутих,
Давид вернулся в строй своих друзей.
С оружием, в доспехах боевых
Казались юноши взрослей.

Друг друга восхваляли кто как мог,
Смеялись хрипло, гордые, в ответ,
Ругались и клялись. Но, одинок,

משורר

כפי תינוק שלא נגמל – עיניו
לא נגמלו והוא רצה יותר
וחש אמנם חלוף קיצים וסתו
אבל בפנים פגר.

ובמקום שבו לאילנות האחרים
צמחו השרשים, היו לו הרגלים.
וכשפתע בו עלו כל השירים
חשב כי רק יכתב בינתים

עד שימצא מה יעש באמת
ובעיניו, שנפקחו כה באחור,
חפש מעבר לחלון. אבל העט

כתב מאד כמו מלחץ זכר.
עקשו הניח את גופו כסכר
אשר מאחוריו הכל אגור.

דוד הצעיר

אחר התשואות הראשונות
חזר דוד אל כל הנערים,
וכבר הרועשים בשרינות
היו כל כה מבגרים.

בחבטות כתף, בצחוק צרוד.
ומישהו קלל ואחדים
ירקו. אבל דוד היה גלמוד

⁷ Имеется в виду библейский рассказ о единоборстве молодого пастуха Давида, будущего царя Израиля, с филистимским великаном Голиафом

Впервые понял он: других Давидов нет.

Не слышал их. Не знал, куда девать
Ту голову, что продолжал держать
Тяжёлую за космы на весу.

"Теперь уж ни к чему. Куда несущ?".
К восторгу войск, как он, глухие, в небо взмыв,
Исчезли грифы, кровью клюв не обагрив.

Из книги "Стихи 1948-1962г.г "
Из цикла "Место, где я не был"

Что касается мира

Что касется мира,
Я, как ученики Сократа, - всегда иду рядом с ним.
Вслушиваюсь в его истории и времена года,
И мне остаётся лишь сказать:
Да, действительно,
Ты и в этот раз прав,
Всё так и обстоит.

Что касается моей жизни, я всегда —
Венеция:
Всё, что у других — улицы,
Во мне — тёмный поток любви.

Что касается крика, что касается молчания,
Я всегда — шофар:⁸
Весь год собираю силы,
Чтобы трубить в Страшные дни.

וְחָשׁ לְרֵאשׁוֹנָה שְׁאִין עוֹד דְּוִדִּים.

וְלֹא יָדַע פְּתָאם הֵיכָן יָנַח
אֶת רֹאשׁ גְּלִיַּת שְׁמִשׁוּם מָה שְׂכַח
וְעוֹד הֶחָזִיק אוֹתוֹ בְּתִלְתְּלִיו.

כָּבֵר מִיָּתֵר הָיָה עֲכָשׁוּ
וְצִפְרֵי הַדָּם שֶׁנִּדְדוּ הֶרְחַק
שׁוֹב לֹא שָׁמְעוּ, כְּמוֹהוּ, אֶת הָעַם צוֹעֵק.

מן הספר "שירים. 1962-1948"
מן המחזור "המקום שלא הייתי בו"

אֲשֶׁר לְעוֹלָם

אֲשֶׁר לְעוֹלָם,
אֲנִי תַמִּיד כְּתִלְמִידֵי סוֹקְרָטֵס: הוֹלֵךְ לְצַדוֹ
שׁוֹמֵעַ עוֹנוֹתָיו וְתוֹלְדוֹתָיו
וְנִשְׁאָר לִי לֹאמֹר:
כֵּן, אֲמַנָּם כֵּן הוּא.
גַּם הַפְּעַם צְדִיקָתְךָ.
אֲכֵן, נְכוֹנִים דְּבָרֶיךָ.

אֲשֶׁר לְחַיִּי, אֲנִי תַמִּיד
וְנִצְיָה:
כָּל מָה שֶׁרְחוּבוֹת בְּאַחֲרִים,
בִּי — אֶהְיֶה זֹרֶמֶת וְאַפְּלָה.

אֲשֶׁר לְצַעֲקָה, אֲשֶׁר לְדִמְמָה,
אֲנִי תַמִּיד שׁוֹפָר:
אוֹגֵר כָּל הַשָּׁנָה תְּרוּעָתוֹ הָאֶחָת
לְיָמִים הַנּוֹרָאִים.

⁸ Шофар — бараний рог, в который трубят в "Страшные дни", в период между еврейским Новым годом и Судным днём

Что касается дел,
Я всегда – Каин:
Считаюсь до того, что так и не сделаю,
Или после того, что сделаю
И чего нельзя вернуть назад.

Что касается твоей ладони,
Что касается сигналов моего сердца
И планов моей плоти,
Что касается надписи на стене,⁹
Я всегда – невежда: не умею
Ни читать, ни писать.
Головки сорняков
Умеют только шелестеть и качаться на ветру.
Так и голова моя, когда судьба проходит сквозь меня
В другое место.

Прощай!

Прощай! Лицо твоё – лишь память. Дымкой тонкой
Былого призрак вновь возник. Летит, летит...
Лес шёпотов, мрак лона, личико ребёнка,
Животных тени, вод текущих вид.

Нам не соприкоснуться больше, как когда-то,
Не нам теперь шептать: "Сейчас, сейчас..."
Ты – женщина, ты – ветер, а была ты
И осень, и порыв – всё, что сближало нас.

Когда мы не могли понять, мы пели вместе:

אֲשֶׁר לַמַּעֲשִׂים
אֲנִי תַמִּיד קַיִן:
נָע וְנָד לִפְנֵי הַמַּעֲשֶׂה, שֶׁלֹּא אֶעֱשֶׂה,
אוֹ אַחֲרֵי הַמַּעֲשֶׂה
שֶׁאֵין לְהַשִּׁיבוֹ.

אֲשֶׁר לְכַף יָדִי,
אֲשֶׁר לְסִימְנֵי לְבִי
וְתַכְנִיּוֹת בְּשָׁרִי,
אֲשֶׁר לְכַתֵּב עַל הַקִּיר,
אֲנִי תַמִּיד בּוֹר: לֹא אֲדַע
קָרָא וּכְתַב
וְרֹאשֵׁי כְּרָאשֵׁי עֹשֶׂבִּים שׁוֹטִים,
רַק יוֹדְעֵי לַחֹשׁ וְנוֹעַ בְּרוּחַ,
בַּעֲבֹר גּוֹרֵל דְּרָכָי
לְמַקּוֹם אַחֵר.

היי שלום

הֵי שְׁלוֹם, פָּנֵי אֶת וּכְבֹר פָּנֵי זָכָר.
נָדוּד עוֹלָה מְאוּב; וְעָף וְעָף.
פָּנֵי חַיּוֹת, פָּנֵי מַיִם וּפָנֵי לָכֶת,
וְיַעַר לְחַיִּשׁוֹת, פָּנֵי חֵיק, פָּנֵי טָף.

לֹא לָנוּ שׁוּב שְׁעָה שְׂבֵה נֹכַל לְגִשֵּׁת.
לֹא לָנוּ לְהַגִּיד: עֲכָשׁוּ, עֲכָשׁוּ.
שֵׁם שֶׁל רוּחוֹת הָיָה לָהּ, פַּעַם אִשְׁת
הַכּוֹזִיִּים וְכֹנֹת מְרָאָה וּסְתָו.

כִּי מָה שֶׁלֹּא הִבְנוּ, הֵן זְמַרְנוּ יַחַד.

⁹ Возможно, намёк на фразу "Исчислено, взвешено, предрешено", написанную огненной рукой на стене дворца вавилонского царя Валтасара перед его гибелью (ТАНАХ, Писания, Даниил, 5)

Тьма, свет, былое... Заперты замки.
Ты не моя уже, ключ к шифру в новом месте,
Закреты двери шкафа, платья, рты, соски.

Итак, прощай теперь! Ты бодрствовать устала.
Всё было, как хотели, до поры.
Теперь спокойно спи. Пора настала
Свои лишь видеть сны – бескрайние миры.

Прощай! Узлы и чемоданы смертью дышат.
Верёвки, перья, вещи, как холмы.
Ведь то, чего не будет, так и не напишут.
Никто не вспомнит то, чего не знали мы.

Иль, скажем , скорбь

А вправду ль знать тебе ещё так много надо,
Подруга встреч случайных, прошлогодний снег ?
А «после» не для нас, не капля яда,
А чаша... И молчанье... И навек.

Ведь мы подменены, как сумка или плащ в заботах.
И я уже - не я, и ты – не ты. Потом
Нам не вернуться вновь. Исход субботы,
И свечка гаснет в пальцах, смоченных вином.

От солнца твоего одна луна со мною,
Звук слов незначащих и утешенье фраз:
«Будь добр, оставь» иль «Я хочу покоя»,
Иль, скажем, «Скорбь», или «Всё кончено для нас».

דורות וחשך, פני הסרוגין.
ולא שלי עוד, לא מפענחת,
סגורת פטמות, אבזם, פיאות, ברגים.

לכן שלום לך, לעולם לא נרדמת,
שהכל היה בדברנו, שהכל של חול.
מפאן ולהבא את מחלמת
לחלומות שלך: תבל וכל.

היי שלום, צורות ומזודות המות.
חוטים, נוצות, בליל משכן. משכן שער.
כי מה שלא יהיה, אף יד אינה כותבת,
ומה שלא היה של גוף, לא יזכר.

כגון יגון

האם עליך עוד כל כך הרבה לדעת,
בת ארועים, שלג דאשתקד.
ואחר כך לא לנו, לא קבעת
התרעלה, אלא הספל והאלם ולעד.

הרי החלפנו כתיקים, כמו מעיל של גשם
בתחנות. לא עוד אני – אני ולא את – את.
שוב לא לחזר. שוב לא יחדו לגשת,
רק לחש של כבוי ביין כבמוצאי שבת.

עכשו נשאר לי משמשך רק הירח,
מלים של מה בכך ונחמה כגון:
הנח הכל. כגון, תן לי לנוח.
כגון, הגיש לי את סופי. כגון, יגון.

Ты тоже устала

Ты тоже устала быть миру фасадом,
Чтоб видели ангелы: вот где краса!
Улыбку оставь и без всякой досады
Дай ветру в улыбке прищурить глаза.

Не спорь, отдохни. Волноваться не надо.
Глаза твои яркие, как лес в сентябре.
Есть слово "любить" в языке водопада?
А как нас найти у Земли в словаре?

Смотри! Что-то движется там под горою.
Быть может, пророк приближается к нам?
Я слышу во сне голос твой. Ты со мною,
Но что я отвечу и что тебе дам?

Из книги "Сейчас в шуме" (1963-1968)

В моё время, в твоём месте

Мы были вместе. В одном времени и месте.
Время было моё, место дала ты.
Спокойное и сильное тело твоё ожидало смены времён года.
Моды проходили над ним – укоротить, удлинить,
В цветочек, из шёлка, белое, облегающее...

Мы сменили человеческие ценности на звериные.
Спокойные и сильные – на века,
Но всегда готовые сгореть в одно мгновение,
Как сухая трава в конце лета.

Я делил с тобой дни. Ночи.
Мы обменивались взглядами с дождём.

גם את עיפת

גם את עיפת כל כך להיות פרסמת
לעולם, שייראו מלאכים: כאן יפה.
נוחי מחייה. ובלי תרעמת,
לרוח הים תני לקרזל את הפה.

לא תתנגדי, כניר עף גם לך העינים
עפות. גם נשרו פרות משקמה.
איה אומרים, לאהב בלועזית של מים,
מה אנחנו, בלשון האדמה?

הנה הכביש והלכת עליו. מה זאת אומרת,
תל כלשהו, רוח אחרון. איזה נביא...
ובלילה מתוך שגתי את מדברת.
ואיך אשיב לך ומה אביא.

מתוך הספר "עכשיו ברעש"

בזמני, במקומך

היינו יחדו בזמני ובמקומך.
את נתת את המקום ואני את הזמן.
שקט ונמר המתין גופך בחלף העונות,
אפנות עברו עליו, לקצר ולהאריך,
בפרחים או במשי, בלבן או בצמוד.

החלפנו ערכי בני-אדם לערכי חיות-בר,
שקטים ונמרים ושל נצח,
ובכל זאת מוכנים להשרף כל רגע
עם העשב היבש בסוף הקיץ.

חלקתי את הימים אתך. לילות.
החלפנו מבט עם הגשם.

Не предавались мечтам.
Нас даже не было в наших снах.
И внутри беспокойства гнезвился и дремал
Покой. В моё время в твоём месте.

לא היינו כחולמים,
אף בחלומותינו לא היינו.
ובתוך אי-השקט לו קנן
השקט. בזמני, במקומי.

Но всё изменится, когда сны,
В которых ты снишься мне в эти ночи,
Принесут весть о том, что моему времени с тобой приходит конец,
Как появление всё большего числа чаек
Предвещает близость берега.

אין זאת כי אם החלומות הרבים,
אשר אני חולם עליך בלילות האלה,
יבשרו את קצת אתי,
כבשר רבוי השחפים
את קרבת החוף.

Страшно опознавать

נורא הוא לזהות

Страшно опознавать мёртвых
После обвала или после боя.
Ещё страшнее опознавать их,
Когда они ещё живы и на ногах.
Или в семь вечера в конце улицы,
Когда забвения уже нет,
Но памяти вместо него уже не будет.

נורא הוא לזהות מתים
אחר המפלת, או אחר הקרב.
אבל נורא יותר הוא לזהותם
כשהם חיים והולכים.
או בשעה שבע בערב במעלה הרחוב.
כשהשכחה חדלה להיות
וזכירה לא תבוא במקומה.

Потому что вечность приукрашивается вечностью,
Воды умирают внутри вод
И восстают из них,
А облака плавают только между облаками,
Не то что люди:
Им приходится идти между
Железом и камнем,
Между теми, кто их не любит.

כי נצח מתקשט בנצח,
מים מתים בתוך מים
וקמים מתוך מים.
עננים הולכים רק בין עננים.
לא כן בני האדם :
הם חבים ללכת בין
ברזל ובין אבן
ובין מה שלא אוהב אותם.

У моего дяди железо
Со времён Первой мировой войны
Оставалось рассеянным по телу
Даже после Второй мировой.

היה לי דוד, שברזל
ממלחמת העולם הראשונה
נשאר מפזר בגופו
עד אחרי השניה.

И, только когда он умер, они расстались:
Из железа сделали новые снаряды,
А их дяди – новых дядей,
Новое забвение.

וְכַשְׁמַת שׁוּב נִפְרְדוּ :
מִן הַבְּרָזֵל עָשׂוּ שׁוּב פְּגָזִים
וּמִדּוּדֵי דוֹדִים חֲדָשִׁים,
שִׁכְחָה חֲדָשָׁה.

Отец мой, Царь мой!

אָבִי, מֶלֶכִּי

Отец мой, Царь мой! Любовь и ненависть без причины
Сделали лицо моё похожим на лицо этой иссохшей земли.
Годы превратили меня в дегустатора болей.
Как дегустатор вин, я различаю
Разные виды безмолвия,
Знаю что умерло. Кто.

אָבִי, מֶלֶכִּי, אֶהְבֵּת חֶנֶם וְשָׂנְאֵת חֶנֶם
עָשׂוּ אֶת פָּנַי כְּפָנֵי הָאָרֶץ הַחֲרֻבָּה הַזֹּאת.
הַשָּׁנִים הִפְכוּ אוֹתִי לְטוֹעֵם שֶׁל כְּאֲבִים.
כְּמוֹ טוֹעֵם-יֵינוֹת אֲנִי מִבְּחִין
בֵּין מִינֵי שְׁקֵט שׁוֹנִים,
יֹדַע מַה מֵת. מִי.

Отец мой, Царь мой! Сделай так, чтобы лицо моё не разрывалось
От смеха и плача.
Отец мой, Царь мой! Сделай так, чтобы всё, что случается со мной
Между вожделением и печалью,
Не мучило меня; чтобы всё, что я делаю
Вопреки своему желанию,
Выглядело, как моё желание. А желание моё – как цветы.

אָבִי, מֶלֶכִּי, עֲשֵׂה שִׁפְנִי לֹא יִקְרַעוּ
מִצְחֹק אוֹ מִבְּכִי.
אָבִי, מֶלֶכִּי, שְׁכַל מַה שִׁיקְרָה לִּי
בֵּין תַּאֲוָה וּבֵין עֲצָבוֹת
לֹא יִסֵּר אוֹתִי; וְשְׁכַל הַדְּבָרִים
שֶׁאֲנִי עוֹשֶׂה בְּנִגּוּד לְרָצוֹנִי,
יֵרְאוּ כְּרָצוֹנִי. וְרָצוֹנִי כְּפָרְחִים.

Бык возвращается

הַפָּר חוֹזֵר

Бык возвращается с арены после рабочего дня,
Выпив кофе со всей квадрилей
И оставив им записку, где указал свой точный адрес и написал
О том, где лежит красная мулета,
О том, что шпага осталась в его твёрдом загривке
И о том, когда он будет дома. Теперь
Он сидит на кровати.
У него тяжёлые еврейские глаза. Он знает,
Что шпаге тоже больно врезаться в мясо.

הַפָּר חוֹזֵר מִיָּוֶם עֲבוֹדָתוֹ בְּזִירָה,
אַחֲרֵי שִׁשְׁתֵּה קֶפֶה עִם לוֹחֲמֵיו
וְהַשְׂאִיר לָהֶם פֶּתֶק שֶׁבּוֹ כְּתֻבָּתוֹ
הַמְּדִיקֶת וּמִקוֹם הַמְּטַפַּחַת הָאֲדָמָה.
הַחֲרֵב נִשְׁאַרָה בְּעֶרְפוֹ קֶשֶׁה-הָעֶרֶף.
וּמִתִּי הוּא בְּבֵיתוֹ. עֹכְשׁוֹ
הוּא יוֹשֵׁב עַל מִטָּתוֹ בְּעֵינָיו
הַיְּהוּדִיּוֹת הַכְּבִדּוֹת. הוּא יוֹדַע
שֶׁגַם לַחֲרֵב כּוֹאֵב לַחֲדָר לְתוֹךְ הַבָּשָׂר.

В следующем воплощении он будет шпагой. Боль останется.
("Дверь открыта, а если нет - ключ
Под порогом".)

Он знает о милости сумерек и о милости
Правды. В ТАНАХе он причислен к "чистым" тварям.
Он очень кашерный ¹⁰: отгрыгивает жвачку,
И даже сердце его разделено на части, рассечено, как копыто.
Из его груди торчат волосы –
Сухие и серые, как из рваного матраса.

Мне ещё предстоит

Мне ещё предстоит начать помнить о тебе
В то время, как другой начнёт познавать тебя,
Нежное бедро изнутри над чулком и то, когда ты смеёшься, –
Проявление первых фотографий его будущих снов.

И мне ещё предстоит забыть тебя,
Когда тот, другой, начнёт помнить тебя
В то время, как другие из других начнут познавать.

А жизнь моя пуста, как цветок, с которого
Оборвали все лепестки – да, нет, да, нет, да.

Быть одиноким – всё равно, как быть в месте,
Где мы не были вдвоём; быть одиноким – это
Забыть, что ты один: пытаться заплатить за двоих
В автобусе... и ехать одному.

Сейчас я прикрою зеркало, как твои фотографии,
И лягу спать. Птица небесная будет клевать мой сон,
А собаки будут слизывать

בגלגל הבא יהיה חרב: הפאב ישא. ("הדלת פתוחה. אם לא, המפתח מתחת לפה").

הוא יודע על חסד ערבים ועל חסד של האמת. בתוך הוא כתוב עם חיות טהורות. הוא כשר מאד, מעלה גרה ואפילו לבו מחלק וסוסו כפרסה. מתוך חזה פורצות שערות יבשות ואפרות כמתוך מזרון בקוע.

שאצטרך

שאצטרך להתחיל לזכר אותך, כשאחר יתחיל לגלות אותך, את פנים ירכיב הרכים מעל לגרב ומתי את צוהקת. פתוח תמונות ראשונות לחלומותיו בעתיד.

ושאצטרך לשכח אותך, כשאחר יתחיל לזכר אותך, כשאחרי אחרים יתחילו לגלות.

וחיי ריקים כפרח שמטרו ממנו את כל העלים של כן, לא, כן, לא, כן.

ולהיות לבד הוא להיות במקום שבו לא היינו יחדיו, ולהיות לבד הוא לשכח שאתה כך: לרצות לשלם בעד שנים באוטובוס ולנסע לבד.

אכשו אכסה את המראה כמו תמונותיך ואשכב לישון. עוף השמים יאכל את בשר שגתי. הכלבים ילקו

¹⁰ Кашерный – пригодный в пищу по еврейским религиозным правилам

Мою кровь изнутри. Как это выглядит снаружи?

את דמי מבפנים. איך רואים דבר מחוץ.

Судьба Бога

גורל אלהים

Судьба Бога
Сейчас, как судьба
Деревьев и камней, солнца и луны,
В которые перестали верить,
Когда начали верить в Него.

גורל אלהים
הוא עכשו כגורל
עצים ואבנים, שמש וירח,
שהפסיקו להאמין בהם
כשהחלו להאמין בו.

Но Он должен остаться с нами –
Хотя бы, как деревья, хотя бы, как камни
И как солнце, луна и звёзды.

אבל הוא מכרח להשאר עמנו:
לפחות כעצים, לפחות כאבנים
וכשמש וכירח וככוכבים.

Иди, иди

לכי לכי

Что сказано было в долине,
Что прошелестело там,
Отныне
Не услышать ушам.

ממה שדבר בעמק
ממה ששם רשרש,
אף שמע
לא ילחש.

Лето весну отодвинет.
Потом
Тень под глазами твоими,
Тень под животом.

אביב לקיץ
יהפך.
הצל תחת עיניך.
הצל תחת בטןך.

Не здесь ли мы шли с тобою?
Был ли отмерен срок?
Нетерпение. Двое
У берега моря. Песок.

האם לא כאן הלכנו?
האם לא זה הסוף?
קצר רוח, נשב,
אך חוף.

Забыв про слёзы и горе,
Оставив пустыню тут,

מקאן עד גדות המים,
מן המדבר, מבכי,

Иди, пока есть вода в море.
Иди, куда ноги несут.

מִכָּאן עַד כְּלוֹת הַמַּיִם,
לְכִי, לְכִי!

Всё, что случилось в долине,
Отшелестело любя.
Огонь во сне ныне
Видит тебя.

כִּי מָה שֶׁקָּרָה בְּעֵמֶק
מָה שֶׁרָשַׁשׁ:
עֲקֹשׂוּ חוֹלְמֹת
אוֹתָךְ הָאֵשׁ.

В те дни в это время ¹¹

בְּיָמִים הָהֵם, בְּזֶמֶן הַזֶּה

Отдаляются постепенно "те дни" от "этого времени",
Как караул, возвращающийся в казармы,
Как участники похоронной процессии - с кладбища.
А ты помнишь: "Я не могла упустить тебя"? Из домов,
Где мы жили, иные разрушены. Даже
Эхо падения смолкло. Я думаю часто о том, что
"Это время" всегда почему-то одно,
А "те дни" – их всегда очень много, и я – единственное остриё,
Что ещё выставляет армия тех многих дней. А ты помнишь:
"Это будет последний бой"? Был красивый мотив.
Был в те дни. В это время.

הַיָּמִים הָהֵם נִפְרָדִים לֵאמֹם
מִן הַזֶּמֶן הַזֶּה, כְּמִשְׁמֶר הַחוּזָר אֶל מְקוֹמוֹ,
כְּמִשְׁתַּתְּפֵי הַלְוִיָּה אֶל בֵּיתָם הָרְחוֹק.
זוֹכֶרֶת? "לֹא יָכַלְתִּי לְהַחֲמִיץ אוֹתָךְ". יִשְׁנָם
כָּבֶד בָּתִּים שֶׁבָּהֶם גָּרְנוּ וְשִׁנְהָרְסוּ אַחֲרֵינוּ. אֲפֹלוּ
הַד נִפְּילְתָם לֹא עוֹד. אֲנִי חוֹשֵׁב עַל כָּךְ
שֶׁהַזֶּמֶן הַזֶּה הוּא תְּמִיד בִּלְשׁוֹן יַחֲיד
וְהַיָּמִים הָהֵם בְּרַבִּים. וְשֹׂאֲנִי חֵד אֶחָד וְחֵד
שֶׁל צָבָא יָמִים רַבִּים רַבִּים. זוֹכֶרֶת? "זֶה
יִהְיֶה קָרֵב אַחֲרוֹן". הַמְּגִינָה הַיְּתֵה יָפָה
בְּיָמִים הָהֵם. בְּזֶמֶן הַזֶּה.

Моё сердце похоже на стену сейчас, на которой
Тени веток колеблются шире,
Чем ветки в саду.
Это свойственно теням.
Это свойственно сердцу.

לְבִי עֲקֹשׂוּ קִיר שֶׁעָלְיוּ עוֹשִׂים צִלְלֵי
עֲנָפִים נְעִים תְּנוּעוֹת גְּדוֹלוֹת יוֹתֵר
מֵאֲשֶׁר בְּמַצִּיאוֹת.
זֶה טֹבֵעַ הַצִּלְלִים,
זֶה טֹבֵעַ הַלֵּב.

Проверка зрения

בְּדִיקַת עֵינַיִם

Отодвинься! Закрой левый глаз. Так. Ещё?

הִתְרַחֵק! עֲצֵם עֵין שְׂמָאל. עוֹד?

¹¹ Из молитвы на праздник Хануки

Да. Ты должен смотреть сюда и читать эти буквы.
Отодвинься ещё. До
Стены. Дальше. Выйди. Что видишь
Там в сумерках? Что узнаёшь? Я? Я помню
Красивую песню, что когда-то давно... И сейчас
Всё ещё? Да, всё время. Не оставляй меня!
Это ты уходишь. Я - нет. Мне всё кажется маленьким и не печалит.
Так. Закрой один глаз. Говори громче! Слышишь?
Не слышу, я уже отошёл далеко. Что ты там
Узнаёшь? Ты помнишь?.. Закрой
Глаз печальный один!
Да.
Теперь глаз печальный второй,
Так. Теперь вижу.
Теперь уже ничего.

Не быть, быть, не быть

Не быть значит не ощущать боли.
Как колокола в далёком христианском городе:
Молить о дожде в Иерусалиме
И обрета́ть его спокойно у озера в Цюрихе.

Прибыть, как я, из страны чудес,
Вроде хождения по Кинерету,
И с трудом идти по жизни, рискуя утонуть.

Быть значит ощущать своё тело
По ударам камней, побивающих тебя изнутри,
И камней, побивающих тебя снаружи.
Моё тело – граница столкновений.

Не быть значит продолжать идти
По Цюриху от того угла, где мы расстались.

כן. עֲכָשׁוּ קְרָא, קְרָא אֶת הָאוֹתִיּוֹת הָאֵלֶּה!
הַתִּרְחֵק עוֹד. עַד
הַקִּיר. הַתִּרְחֵק הַלָּאָה. צֵא. מָה אַתָּה רוֹאֶה
עֲכָשׁוּ בְדַמְדוּמִים? מָה אַתָּה מְכִיר? אֲנִי
זוֹכֵר שִׁיר יָפֶה שֶׁפָּעַם. וּמָה עֲכָשׁוּ?
עַדִּין? כָּל הַזְּמַן. אֵל תַּעֲזֹבֵי אוֹתִי, בְּבִקְשָׁה.
אַתָּה עוֹזֵב. אֲנִי לֹא. הַכֹּל נִרְאֶה קָטָן וְאִפְלוּ בְּלִי עֲצָבוֹת.
עֵצֶם עֵין אַחַת. דְּבַר בְּקוֹל רֶם.
אֵינִי שׁוֹמֵעַ, אֲנִי כְּבֹר רְחוּק. מָה
אַתָּה מְכִיר? אַתָּה זוֹכֵר? עֵצֶם
עֵין עֲצוּבָה אַחַת!
כן.
עֵצֶם עֵין עֲצוּבָה שְׁנִיָּה, כֵּן.
אֲנִי רוֹאֶה עֲכָשׁוּ,
וְתוֹ לֹא.

לא להיות ולהיות, לא להיות

לא להיות פירושו לא לכאב,
להיות כפעמונים בעיר נצרית רחוקה.
להתפלל לגשם בירושלים
ולקבל אותו בשקט בציריך ליד האגם.

לבוא, כמוני, מארץ הנסים
של הליכה על הכפורת
ובקשי ללכת על ח"י בלי לטבע.

להיות פירושו לחוש את גופי
לפי פגיעת האבנים הסוקלות אותי מבפנים
באבנים הסוקלות אותי מבחוץ.
גופי – הגבול. התנגשויות.

לא להיות פירושו להמשיך ללכת
בציריך, מן הפנה שבה נפרדנו,

Продолжать идти значит не быть.

להמשיך ללכת: זה לא להיות.

Гайдн. Опус 76 №5¹²

הידן, אופוס 78, מס' 5

Ты не умерла и я не умер.
Мы не исполнили того, что обещали друг другу
Двадцать пять лет назад. У луны
Тогда ещё бывали разные лица – хорошие и плохие.
Цари ещё ходили по своим царствам – не то, что сейчас.
Дыхание бывало длинным и коротким,
Дым не ел глаза, потому что витал высоко.
Две-три войны. Разговоры,
Которые вели мы тогда, доходили сюда,
Ждали понапрасну и разрушались.

את לא מתה ואני לא מת:
לא קיימנו את מה שהבטחנו זה לזה
לפני עשרים וחמש שנים. לירח
היו עוד פנים טובות או רעות.
מלכים עברו דרך מלכותם שלא עוד.
הרבה נשימה, ארקה וקצרה.
עשן שלא הדמיע כי היה גבה.
שים או שלש מלחמות. דבורים
שדברנו אז הגיעו עד הנה
וחכו לשוא והתפוררו.

Оказалось, что мелодия, которую мы слышали тогда,
Была последней спокойной мелодией
Перед большим страхом, не прекращавшимся с тех пор –
Четверть века страха в разлуке.

מתברר שהמנגינה ששמענו אז
היתה הרגועה האחרונה לפני
הפחד הגדול שלא פסק מאז,
מחצית-יובל של פחד וחרדה, ולא יחדו.

Что осталось от той ночи
Слившихся в единый круг вод, вращающихся,
Как граммофонная пластинка?
Может быть то, что остаётся от жизни после расставания –
Немного тепла в печи, чуть побольше – в постели.

מה נשאר מן הלילה ההוא
של מים עגלים מסתובבים
כתקליט של נגינה.
אולי כמו חיים שנשארים אחר הנפרד,
חם בכירים; קצת יותר במטה.

Из книги "И не для того, чтобы помнить" (1971)

מן הספר "ולא על מנת לזכור"

Умерла Лея Гольдберг

לאה גולדברג מתה

Лея Гольдберг умерла в дождливый день,

לאה גולדברג מתה ביום של זרזיף,

¹² Й.Гайдн. Струнный квартет ре мажор

Как и писала в своих стихах;
И перенесла свои похороны
Назавтра, на солнечный день,
Как только она могла.

Её печальные глаза – единственные,
Способные состязаться с глазами отца моего
В старинной еврейской игре
Тяжёлых глаз, опускающихся
К ямкам под ними.
(Теперь они оба там.)

Лея умерла после того,
Как литературные приложения
Уже два дня печатались всюду.
Так она вынудила нас
Написать о ней с неторопливой печалью
Чистыми словами, как только она могла.
(Во время боёв в Негеве её книжку
"Из моего старого дома" я всегда носил в рюкзаке.
Страницы были разорваны и подклеены
Полосками липкой ленты, но я знал наизусть
Все сокрытые в ней слова
И все видимые глазу.)

Она изучила много языков,
Подталкиваемая человеческой печалью:
Говори, пиши и плачь втихомолку.
(В одной из квартир в Иерусалиме жили после неё
Три девушки,
Одну из которых я очень любил.)

Мы принесли ей часть сладости
Нашей жизни, чтобы поместила её
В свои стихи, как повидло в пончики.

כפי שרק בשיריה כתבה;
ודחתה את הלוייתה
ליום מחרת של שמש,
כפי שרק היא.

עיניה העצובות הן היחידות
היכולות להתחרות עם עיני אבי
במשחק יהודי עתיק
של עינים כבדות הגולשות
לגמות למטה.
(עכשו שניהם שם.)

לאה מתה יומים
אחר שהמוספים הספרותיים
כבר עמדו במלוא דפוסם:
כה היא מאלצת אותנו
לבתב עליה בנחת עצובה
ובנקיון מלים, כפי שרק היא.
(בקרבנות הנגב היה ספרונה
"מביתי הישן" בתרמילי תמיד.
דפיו היו קרועים ומדבקים
ברצועות פלסטר, אך ידעתי בעל פה
את כל המלים המסתרות
וגם את הנגלה.)

היא למדה שפות רבות
מתוך עצבות האדם הדוחקת:
דבור, כתיבה ובכי שקט.
(בדירה אחת בירושלים גרו אחריה
שלוש נערות
שאחת מהן אהבתי מאד.)

הבאנו לה מן המתוק
של חיינו, כדי שתכניס אותו
לשיריה, כרבה לתוך ספגניות.

А горечи и мучений для этого
Хватало у неё самой,
Не нужно было занимать у других.
(Когда моему сыну было два года,
Он называл её "Гольдберг" –
Не "тётя", не "Лея".)

Профессор внутри неё был готов,
Может быть, жить ещё долгие годы,
Но поэт в ней не желал
Состариться. И победил.

Лея умерла. В этом молчании
Она уже здесь владела многими акциями.
Туда она уходит богатой –
Царица, уходящая в изгнание смерти.
А девушки и юноши продолжают читать
Её книги в потаённых
И столь сладостных комнатах
В стране, жизнь которой так захватила её.

На этой горé, что называют "горой упокоенья"
Я думаю сейчас о словах из Пятикнижья
"С печалью в преисподнюю":
Печаль должна быть чем-то
Прекрасным и очень дорогим,
Как золотые и серебряные вещи,
Что кладут в гробницы царей. Так и тут.

Теперь уходи. Собери
Все голоса. Возьми их с собой.
Они твои, наконец.
Возвращайся туда. Мёртвые, вроде тебя, любят точность:
Не могут сказать, как мы: "Я думаю, что...",
"Я хочу сказать, что..." или "Возможно, приду".

אך את היסטורים להן
ספיקה היא בעצמה:
לא נזקקה משל אחרים.
(כשהיה ילדי בן שנים,
קרא לה: "גולדברג".
לא, דודה. לא, לאה.)

הפרופסור שבה, היה
מוכן אולי לחיות עוד שנים רבות.
אך המשוררת לא רצתה
להזדקן. ונצחה.

לאה מתה. בדממה הזאת
היו לה כבר כאן הרבה מניות.
היא יוצאת עשירה לשם;
מלכה היוצאת לגלות של מות.
ואת שיריה יוסיפו לקרא
נערה ונער בחדרים חבויים
ומתוקים בארצה
אשר החיים כבשו אותה.

בהר זה, שקוראים לו "מנוחות",
אני חושב עכשו על המלים
"ביגון שאולה" שבחמש:
יגון צריך להיות דבר
יפה ויקר מאד, כמו
כלי כסף וזהב שהקנסו עם
מלכים מתים לתוף קברם. כך עמך.

לכי עכשו. אספי את כל הקולות
אליה. קחי אותם אתך.
הם שלך, סוף סוף.
חזרי לשם. מתים מדיקים כמוך.
לא יוכלו לומר כמונו: אני רוצה
לומר. אני חושב שכן. אולי אבוא.

Они говорят: "Нет. Не я. Я не...".

Уходи, успокойся, такая усталая Лея,¹³

А нам остаётся только стоять,

Подняв голову, и ожидать

Вестей, плохих и хороших,

Смешанных с запахом сосен.

И не для того, чтобы помнить

И не для того, чтобы помнить,

Живёшь, а чтобы закончить

Труд, который поручен тебе (почему-то тебе),

И не для того, чтоб остаться, ты любишь,

И не для того, чтоб любить, терпишь боль.

Ты спешишь, ты торопишь усталость,

Ты нетерпелив, будто в день перелёта из одной в другую страну,

Ты меняешь лучшие дни своей жизни на несущие благо дожди

В сделке, где результаты так трудно предвидеть,

Переносишь любовь с одного на другого прохожего,

Стоя здесь на Корьентес, а они всё идут и идут...

Вамос!¹⁴ "Ладно, пойдём". На других языках

Это может звучать не так больно. Пойдём:

Есть вначале иллюзия "вместе",

А после – "каждый сам по себе".

Что-то особенное для листьев

В комнате, где было много света от гостей

¹³ На иврите "леа" – усталая, утомлённая

¹⁴ Испанск.

מתים אומרים: לא, אין אני, אינני.

לכי במנוחות לאה לאה מאד.

ולנו מה נשאר, כי אם לעמד

בראש מורם ולצפות

לבשורות רעות וטובות

מערבות בריח הארנים.

* (ולא על מנת לזכר אתה)

ולא על מנת לזכר אתה

חי, אלא לגמר את המלאכה

שעליך (אף על פי עליך) לגמר,

לא על מנת להשאר אתה אוהב

ולא על מנת לאהב אתה כואב.

מהיר אתה וממהר לעיפות,

קצר רוח כיום טיסה מארץ לארץ,

מחליף שעות חיים טובות בגשמי

ברכה, במסחר לא ידוע,

עובר לאוהב לעובר, ברחוב

קורנינטס, הזרמים, הזרמים.

ומוס, גלך. בשפות אחרות

זה כואב פחות, גלך:

יש אשליה של יחדו

בהתחלה, אחר כך זה מזה.

לעלים משהו מיחד

בחדר המואר באורחים

И от ламп, ты сказала, что возвращаешься в Грецию.
"Настоящая жизнь листа
Начинается не весной, а когда
Он порывает связь с веткой".
Время острое, краткое, чудное – время падения.
И молитва:
Пусть отдалится земля и углубится
Или пусть выше поднимется ветвь!

"Чтобы продлились дни нашей жизни на этой земле".

Встреча со старым другом

От болезней он сделался старым.
На нём печать. Уже склонен признать
После всех продолжительных попыток, что Бога нет
(Я тоже под пыткой признал бы,
Что Бог существует).

"Трудно справиться с жизнью".
Так трудно с газетой справиться
Во время быстрой езды:
Бунтуют листы на ветру
И бьют по лицу. Тут не много прочтёшь.

Его голос звучал ясно,
Как у тех, кто уже забывает и детство своё
И мать, но вдруг вспоминает
Безошибочно номера телефонов
(Может быть, тех, кто давно уже умер).
"А когда-то мы были приятели с Богом".

Его тень длинна снова,
Как тогда – до стены.

ובאורות, אמרת שאת חוזרת ליון.
"חיי העלה האמתיים
מתחילים, לא באביב, אלא
כשהוא נתק מן הענף" זמן חריף
קצר ונפלא של נפילה.
תפילה:
שתתרחק האדמה ותעמיק,
או יגבה הענף.

"למען יאריכו ימינו על האדמה הזאת".

פגישה עם ידיד ותיק

הוא זקן אחר המחלות.
כבר מסמן. כבר מוכן להודות
תחת הענניים הממשכים שאין אלהים
כשם שאני מוכן להודות
תחת ענניים שיש אלהים.

"קשה להסתדר עם החיים"
כמו קריאת עתון סרבני
בנסיעה מהירה,
כשהדפים מתמרדים ומכים
את פני הקורא. ולא יקרא.

קולו היה צלול,
כשל מי שכבר שוכח את ילדותו
ואת אמו הזוכר פתאם
מספרי טלפון מדיקים
(אולי של אלה שכבר מתו).
"הייתי פעם ידיד האלהים".

צלו הארך שוב
עד הקיר: אותה שעה של יום

Тот же час... и стена... те же руки,
Но голос, голос...

אותו קיר, אותן יָדִים. אך הקול,
קול, קול.

Из книги « За всем этим кроется большое счастье »

מן הספר "מאחורי כל זה מסתתר אושר גדול"

П е с н я

ש י ר

Вот и начало – раскрыто,
Как в родах.
Всё! Хватит! Теперь – отдохнуть.

כְּמוֹ בְּתַחֲלִילַת לֵדָה:
יֵשׁ כְּבֶר פְּתִיחָה.
דִּי! לֹא יוֹתֵר! כֶּךָ לְנוּחַ.

Проводи меня

לוי אותי

Проводи меня к аэропорту.
Я не лечу, не ухожу и не оставляю.
Но проводи меня сквозь туманы маслин
До белого самолёта.

לוי אותי לנָמַל תְּעוּפָה.
אֲנִי לֹא עָף, אֲנִי לֹא הוֹלֵךְ, אֲנִי לֹא עוֹזֵב.
אָבֵל, לוי אותי אֶל מְטוֹס לָבָן
בֵּין עֶרְפְּלֵי עֲצֵי זִיתִים,

Скажи слова, что спешат сказать
В час короткий разлуки времена года,

אֲמַרִי מִלִּים שֶׁמַּחְלִיפוֹת עוֹנוֹת
בְּחִפְזוֹן קָצֵר שֶׁל שְׁעַת פְּרִידָה.

В час, когда руки приходят к
Глазам, полным слёз, словно к
Корыту, чтоб пить и пить.

אֶז הַיָּדִים בָּאוֹת אֶל
הָעֵינַיִם הַבּוֹכוֹת כְּמוֹ אֶל
שִׁקְת לִשְׁתוֹת וְלִשְׁתוֹת.

Песня любви

שיר אהבה

Люди пользуются друг другом
Как средством от боли. Один другого
Прикладывают к ранам житейским своим,
Ко рту и к глазам, к лобку и к ладони
раскрытой.

אֲנָשִׁים מְשִׁתְּמָשִׁים זֶה בָּזֶה
כְּמַרְפָּא לְכָאָבָם. אֶחָד אֶת הַשֵּׁנִי
שׁוֹמֵם עַל הַפְּצָעִים הַקִּיּוּמִיִּים שֶׁלָּהֶם,
עַל הָעֵין, עַל הָעֶרְוָה, עַל הַפֶּה וְעַל הַיָּד

Сжимают один другого и не хотят отпускать.

הפְּתוּחָה.
תּוֹפְשִׁים זֶה אֶת זֶה וְלֹא רוֹצִים לְהִנִּיחַ.

Есть у меня мёртвые

Есть у меня мёртвые, погребённые в воздухе,
Есть мать, оплакавшая меня, хотя я ещё жив.

Я похож на место,
Воюющее с временем.

Когда-то зелёный цвет был счастлив
Рядом с твоим лицом в раме окна.

Только в своих снах я могу ещё сильно любить.

יש לי מתים

יש לי מתים שֶהֵם קְבוּרִים בְּאֵוִיר
יש לי אם שְׂכוּלָה בְּעוֹדֵנִי בְּחַיִּים.

אֲנִי כְּמוֹ מְקוֹם
שֶׁעוֹשָׂה מִלְחָמָה עִם הַזְּמַן.

פֶּעַם, הִצָּבַע הִירָק שֶׁמַּח מְאֹד
לְיַד פְּנִיךָ בַּחֲלוֹן.

רק בְּחִלּוּמוֹתַי אֲנִי עוֹד אוֹהֵב חֲזֵק.

Слова – это ступени

Когда щебень перестанет хрустеть на дорожках,
Я забуду то, о чём помнил с болью:
Руки, с удивлением прижатые к сердцу,
Сад, растянувшийся до границ ночи
И рот, принявший форму для восхваления,
Который целует рот, подходящий для сладкой элегии.

"Приди в мой прохладный дом" (с толстыми стенами).
Так прошло лето.

Небеса похожи на людей, которые вот-вот
Должны уезжать; они впитывают
Позолоченный пейзаж
Вместе со слезами и последним глотком напитка.

המלים הן מדרגות

כְּשֶׁהֲחֹצֵץ יִפְסִיק לַחֲרֹק בְּשִׁבְלִים,
אֶשְׁכַּח שְׁנִית אֶת שְׁזָכְרָתִי בְּכֹאֵב:
יָדַיִם מְשׁוּכוֹת אֶל הַלֵּב בְּתִמְהוֹן,
גַּן שֶׁנִּמְתַּח עַד שׁוּלֵי הַלַּיְלָה
וּפֶה עֹשִׂי בְּצוּרַת הַלֵּל
מִנִּשְׁקָה פֶּה הָעֹשִׂי בְּמִדַּת הַקִּינָה הַמְּתוּקָה.

"בּוֹא אֶל בֵּיתִי הַצּוֹנֵן" (שֶׁקִּירוֹתָיו עֲבִים)
כָּךְ עָבַר הַקִּיץ.

הַשָּׁמַיִם, כְּמוֹ אֲנָשִׁים שֶׁעוֹד מַעֵט
צָרִיכִים לִנְסֹעַ, אֲשֶׁר בּוֹלְעִים
אֶת הַמֶּרְאָה הַמְּזַהֵב
עִם דִּמְעוֹת וּמִשְׁקָה אֲחֵרוֹן.

Так прошло лето. Приди
В мой прохладный дом. Слова – это ступени.

Тот, кто забывает

Одного человека забыв,
Забудешь троих: его,
Название улицы, где он жил,
И того, чьё имя она носила.

Ты не обязан плакать.
Тогда там стояли два эвкалипта.
Выросли, верно. То было
Вечером. Ты не обязан плакать.

Это сейчас всё тихо,
Верно, разумно, печально чуть-чуть,
Как отец, что один растит малыша-сына,
Как сын, что один растёт у отца своего.

Печаль в глазах и картины пути

Есть память смутная, – как сахаром цветным,
Она покрыта гомоном играющих детей.
Есть вещи, что не защитят
Уже тебя. И двери есть – они могилы крепче.

И есть мелодия, похожая на ту, у Мазэди
Возле Каира, обещавшую тогда
То, что молчание «сейчас»
Старается исполнить, только зря.

И место есть, куда вернуться не сумеешь ты.

כף עבר הקיץ. בוא
אל ביתי הצונן. מלים הן מדרגות.

מי ששוכח

מי ששוכח אדם אחד,
שוכח שלשה: אותו
ואת שם הרחוב שבו גר
ואת האיש שהרחוב נקרא בשמו.

אתה לא מכרח לבכות.
שני עצי איקליפטוס עמדו שם.
ודאי גדלו. לקראת לילה
היה אז. אתה לא מכרח לבכות.

זה הכל שקט עכשו
ונכון ונבון ונקצת עצוב,
כמו אב שמגדל לבדו ילד קטן,
כמו ילד קטן שמגדל לבדו אצל אב.

עצבות עינים ותאורי מסע

יש זכרון אפל שרעש ילדים
משחקים מפזר עליו כספר צבעוני.
יש דברים ששוב לא יגנו
עליך. ויש דלתות חזקות מקברים.

יש מנגינה, כמו ההיא במעדי
ליד קהיר, שהבטיחה דברים,
אשר השתיקה של עכשו
לשוא תרצה לקיים.

ויש מקום שלא תוכל לשוב אליו.

Его скрывают ветки днём
И освещает лампа среди ночи.
И больше ничего я не могу сказать,
И больше ничего не знаю.

Забуть и улететь. Летать и забывать. И это всё.
Всё прочее – печаль в глазах, картины на пути.

Другая песня любви

Тяжёлый, усталый с женщиной на балконе:
"Останься со мной!" Умирают дороги точно так же,
Как люди, - тихонько или вдруг подломившись.
Останься со мной. Я хочу быть тобой.
На этой горящей земле
Слова должны быть тенью.

Мы были близки

Мы были друг другу близки,
Как два номера в лотерее
С разницей маленькой в цифре одной –
Одному, глядишь, повезёт.

Твоё прекрасное лицо и имя на тебе, как печать
На коробке чудесного деликатеса.
Плод и имя его.
Ты всё ещё там, внутри?

В дни, когда каждый день
Будет так же сладок, как ночь,
И красив, во времена людей,
Для которых время не будет важно уже,

ועץ מסתיר את זה ביום
ומנורה מאירה את זה בלילה,
ויותר אני לא יכול להגיד
ויותר אינני יודע.

לשכח ולפרח. לפרח ולשכח; זה הכל.
השאר, עצבות עינים ותאורי מסע.

שיר אהבה אחר

כבד ועיף עם אשה על מרפסת:
"השארי אתי". גם דרכים מתות
כבני אדם: בשיקט או פתאם נשברים.
אני רוצה להיות את.
בארץ הלוחטת הזאת,
מלים צריכות להיות צל.

היינו קרובים

היינו קרובים זה לזה,
כמו שני מספרים בהגרלה
בהפרש קטן של ספרה אחת
ואחד מהם יזכה, אולי.

ויפים פניה ושמך המדפסים עליה,
כמו על קפסה של מעדן מפלא
הפרי והשם
האם את עדין בפנים?

בימים שבהם הימים
יהיו מתוקים כלילות
ויפים בזמני אנשים
שהזמן אינו חשוב להם עוד,

Рекомендательное письмо

Летними ночами я сплю
Голый в своей кровати в Иерусалиме
На краю глубокого ущелья,
Не боясь скатиться в него.

Днём, когда я иду,
Повторяю, как десять заповедей,
Как старый куплет, который человек бубнит себе под нос:
Дотронься до меня, дотронься до меня, добрая женщина!
То, что ты нащупала под рубашкой, не рубец.
Это сложное рекомендательное письмо моего отца:
"Он, в общем-то, парень хороший и полон любви".

Я помню, как отец будил меня для покаянных молитв,¹⁵
Поглаживая мой лоб,
А не стаскивая с меня одеяло.

С тех пор я люблю его ещё больше.
И в награду за это пробудят его
Осторожно, с любовью
В день воскресения мёртвых.

Помнить – это своего рода надежда

Скорость увеличения расстояния между нами:
Не та, когда один уходит, а другой остаётся на месте,
А удвоенная скорость, когда отдаляются друг от друга.

מכתב המלצה

בִּלְלוֹת קִיץ אֲנִי יָשֵׁן
עֶרֶם בִּירוּשָׁלַיִם, בְּמִטָּתִי
שֹׁעַל שְׂפַת הַגֵּיא הָעֵמֶק
בְּלִי לְהִתְגַּלְגַּל לְתוֹכוֹ.

בַּיּוֹם אֲנִי מֵהֵלֶךְ
וְעֹשֶׂת הַדְּבָרוֹת בְּפִי
כְּפִזְמוֹן יָשֵׁן, שְׁאֵדָם מִפְּזֵם לְעֵצְמוֹ.
תִּגְעִי בִּי, תִּגְעִי בִּי, אִשָּׁה טוֹבָה!
זוֹ לֹא צִלְקֶת, שְׂאֵת חֲשָׁה מִתַּחַת לְחִלְצָתִי.
זֶה מִכְתָּב הַמִּלְצָה מִקָּפֶל מָאֵד שֶׁל אָבִי:
"הוא, בְּכָל זֹאת, יֵלֵד טוֹב וּמֵלֵא אֱהָבָה".

אֲנִי זֹכֵר אֶת אָבִי שֶׁעוֹרֵר אוֹתִי לְסִלְיחוֹת.
בְּלִטִּיפֹת מִצְחִי עֹשֶׂה כָּה,
לֹא בִקְרִיעַת הַשְּׂמִיכָה מַעֲלִי.

וּמֵאֵז אֲנִי אוֹהֵב אוֹתוֹ עוֹד יוֹתֵר.
וּבְזָכוֹת זֹאת יַעֲרִו אוֹתוֹ
בְּעֵדִינוֹת וּבְאֱהָבָה
בַּיּוֹם תַּחֲיֵית הַמֵּתִים.

לזכר הוא מין תקווה

הַמְהִירוֹת שֶׁל הַמָּרְחָק בֵּינֵנוּ:
לֹא שְׁאֵחָד הֵלֶךְ וְהִשְׁנִי נִשְׁאָר,
אֶלָּא הַמְהִירוֹת הַכְּפוּלָה שֶׁל הוֹלְכוֹם זֶה מִזֶּה.

¹⁵ "Слихот" – молитвы, произносимые в течение месяца, предшествующего Новому году

Даже остатки разрушенного мной дома мне не принадлежат.
А когда-то слова, которые мы хотели говорить вместе всю жизнь,
Были похожи на сложенные аккуратно окна нового дома,
О котором мы пока что молчали.

Не знаю, что произошло с тобою с тех пор,
Так же, как не знаю, как произошло со мной то,
Что произошло с тех пор:
Помнить – это своего рода надежда.

В годовщину

В годовщину я пошёл посмотреть
На друзей отца, которые погребены в одном ряду с ним –
Выпускники курса его жизни.

Я помню большинство из них по именам,
Как отец, забирающий маленького сына из школы,
Знает его товарищей по классу.

Отец мой всё ещё любит меня, а я люблю его всегда.
Поэтому я не плачу. Но,
Как приличествует месту,
Зажигаю слёзы в глазах с помощью
Расположенной рядом могилы мальчика:
"Наш Йоси четырёх лет от роду".

Человек возле реки в тумане

Милосердный белый туман
Закрывает ему глаза, подобно тому,
Как закрывают чёрной повязкой

מן הבית שְהרסתי, אֶפְלוּ הַשְּׁבָרִים אִינָם שְׁלִי.
וּפַעַם הָיוּ הַמַּלְיִם שֶׁרָצִינוּ לְדַבֵּר יַחַדוּ בְּמִשְׁךְ חַיִּינוּ
כְּעֶרְמָה מְדִיקֶת שֶׁל חִלּוֹנוֹת לֵיד בְּנֵן חֹדֶשׁ
כְּשֶׁעֲדִין שְׂתַקְנוּ.

אִינִי יוֹדֵעַ מָה קָרָה לָךְ מֵאָז
כְּשֶׁם שֶׁאִינִי יוֹדֵעַ אִיךָ קָרָה
לִי מָה שֶׁקָּרָה לִי מֵאָז:
לְזַכֵּר הוּא מִין תִּקְוָה.

ביום השנה

בְּיוֹם הַשָּׁנָה הִלַּכְתִּי לְרֹאוֹת אֶת
הַחֲבָרִים שֶׁל אָבִי, אֵלֶּה הַקְּבוּרִים עִמּוֹ בַּשּׁוּרָה,
מַחְזֹר סִיּוֹם חַיִּיו.

אֲנִי זוֹכֵר אֶת רַב שְׁמוֹתֵיהֶם,
כְּמוֹ אֵב שֶׁלּוֹקֵחַ אֶת בְּנוֹ הַקָּטָן מִבֵּית הַסֵּפֶר
וּמְכִיר אֶת חֲבָרָיו שְׂאֵתוֹ.

אָבִי עֲדִין אוֹהֵב אוֹתִי וְאֲנִי אוֹהֵב אוֹתוֹ תָּמִיד.
לֵכֵן אִינִי בּוֹכָה. אָבֵל
כְּדִי לְצֹאת יְדֵי חוֹבֵת הַמָּקוֹם,
הַדִּלְקֵתִי בְּכִי בְּעֵינֵי בְּעֶזְרֵת
קֶבֶר סְמוּךְ שֶׁל יֵלֶד
"יוֹסִי שְׁלֵנוּ בֶן אַרְבַּע בְּמוֹתוֹ".

אדם ליד נהר עם ערפל

הָעֶרְפֶּל הִלְכָן וְהִרְחוּם
עוֹצֵם לוֹ אֶת עֵינָיו
כְּמוֹ מְטַפַּחַת שְׁחָרָה

Глаза приговорённому к расстрелу.

על עיניו של נדון בִּירֵיהַ.

И крик его: "Куда ты ушла?"

וְקִרְיָאתוֹ, "אֵיפֹה אַתָּה?",

Подобен крику:

הִיא כְּמוֹ קִרְיָאת

"Да здравствует свобода!"

"תַּחֲיֵי הַחֵרוּת!"

Прошедших геройских дней.

שֶׁל יְמֵי גְבוּרָה שְׁחֻלְפוֹ.

Я нашёл тебя

מצאתי אותך

"Я нашёл тебя", - шепчут влюблённые. Правда,

"מצאתי אותך", כך הדבור באהבה. בלי

Тебя я не терял. Боль потери давнишней –

שאבדתי אותך. כאב האבדן קרה לפני כן,

Там, за сценой, во время иное – уже позади.

מחוץ לבמה, בזמן אחר, לא מכאיב.

Что осталось – подобно следам от плетённого кресла

מה נשאר. כסימני שתי וערב

Из соломы на бедре женщины, что сидела у моря,

של כסא קש בירך אשה שישבה ליד הים

Поднялась и ушла. Или надписи кремом

וקמה והלכה. או, ככתב על עוגת השמחה.

На праздничном торте, где уже "я люблю" отделено от "тебя".

המלים "אני אוהב" כבר חתוכים מן ה"אותך".

("Эти морщины – от горечи?" Нет,

("אלה קמטים של מרירות בפנים". לא

Это морщины от боли глубокой.)

אלה קמטים של כאב עמק.)

... Или, как на войне, где солдаты беззвучно

או, כמו במלחמה, כשאנשים שקטים

В предсмертном томленье считают секунды

במועקת המות מונים את הזמן

Между вспышкой от выстрела пушки, столбом дыма и

בין אש התותח ובין עמוד העשן

Свистом снаряда, чтоб точно узнать...

ובין הקול, כדי לדעת במדויק.

Мы давно перестали считать.

כבר מזמן אנחנו לא מונים.

Мы забыли и знать не хотим.

שכחנו ואיננו רוצים לדעת.

Доктор Нахум Голдман

דוקטור נחום גולדמן

К нам доктор Нахум Голдман ¹⁶ приезжает каждый год

דוקטור נחום גולדמן בא כל שנה

¹⁶ Нахум Голдман (1895-1982) – один из основателей и президент Всемирного еврейского конгресса, на котором был поставлен вопрос о создании национального государства. В разное время занимал важные общественные должности. Вёл переговоры с Германией о

В День независимости, чтобы повидать народ,
Бурлящий в праздник свой в тоске глубокой.¹⁷
Глаза у доктора хитры и тёмны, словно щёлки
На кружках для пожертвований тайных.
Он в своё маленькое тело собирает
Всю скорбь еврейскую и деньги.

Он каждый год стареет лет на тысячу,
Но это не заметно глазу. После
Погрома каждого есть ночь любви.
Он с Навуходоносором ведёт переговоры,
С владыкой-зверем сумасшедшим.¹⁸ Он встречается с отцом
Моим умершим намного чаще,
Чем я.

Он нас освобождал, и мы его не раз
Освобождали. Он – учитель плавания в истории.
Он учит плыть народ
Движениями неторопливыми существования:
Не стилями новейшими, а рассекая грудью воду,
И голову большую держать с печалью над водой. Дышать, дышать.

А в стороне, в короне золотых волос,
Стоит и смотрит женщина в почитительном молчанье,¹⁹
Как проплывают мимо евреи – мёртвые, живые – вместе.

בְּיוֹם הָעֶצְמָאוֹת לִרְאוֹת אֶת עַמּוֹ
הַמְּבֻעָבֵעַ בְּרֵב גְּעֻגוּעִים בְּיוֹם חָגוֹ.
עֵינָיו הֵן עֶרְמוּמִיּוֹת וְכֹהוֹת
כְּסֻדְקֵי קְפוֹת צְדָקָה שֶׁל מֵתִן בְּסֹתֵר.
לְתוֹךְ גּוֹפּוֹ הַקָּטָן
הוּא אוֹסֵף יְגוֹן יְהוּדִי וְכֶסֶף.

כָּל שָׁנָה הוּא מְזַקֵּן בְּאַלְפִים שָׁנָה
וְלֹא נֶכֶר בּוֹ. תְּמוּרָת
כָּל פּוֹגְרוֹם יֵשׁ לוֹ לֵיל אֶהְבָּה.
הוּא נוֹשֵׂא וְנוֹתֵן עִם גְּבוּכְדַּנְאֶצַּר
מֶלֶךְ-הַחַיָּה הַמְּשֻׁעֶת. הוּא נִפְגָּשׁ גַּם
עִם אָבִי הַמֵּת לְעֵתִים קְרוֹבוֹת
יֹתֵר מִמֶּנִּי.

הוּא פּוֹדֶה אוֹתָנוּ וְאֵנוּ תָּמִיד
פּוֹדִים אוֹתוֹ. הוּא מוֹרֶה שְׂחִיָּה
בְּהִיסְטוֹרִיָּה, מְלַמֵּד אֶת עַמּוֹ לְשִׁחוֹת
בְּתַנוּעוֹת הַהִתְקִימוֹת הָאֲטִיּוֹת,
לֹא חֲתִירָה מוֹדֶרְנִית, אֲלֵא שְׂחִיַּת חֲזָה
בְּרֹאשׁ גָּדוֹל וְעֶצוֹב מַעַל לַמַּיִם. לְנֶשֶׁם, לְנֶשֶׁם.

אִשָּׁה זְהֵבַת שֵׁעַר עוֹמֶדֶת בְּצֵד.
בְּהֶעֱרָצָה שְׁקֵטָה הִיא רוֹאָה אֶת
הַיְּהוּדִים הַצָּפִים, מֵתִים וְחַיִּים יַחְדָּו.

репарациях. После создания государства не раз высказывал мнения, отличные от мнений его руководителей, и жил, в основном, в Швейцарии.

¹⁷ Дню независимости предшествует День памяти павших

¹⁸ Навуходоносор II – вавилонский царь (правил в 605-562 г.г. до н.э.). Согласно Библии (ТАНАХ, Писания, Даниила), Навуходоносор в конце жизни стал вести себя, как животное, питался травой, но исцелился, признав Бога евреев. Здесь намёк на переговоры с Германией

¹⁹ Элиза, жена Нахума Голдмана

По бульвару, где никого нет

И колокол считать нас начал: эти двое...
Надежды были теми же, что и вчера.
Мы всё оставили с тобою как чужое,
Как комнату, что мы покинули с утра.

Как ухо, изогнулся каждый камень,
и ветер появился, как из глаз,
услышать каждый шорох между нами,
услышать и забыть уже сейчас.

Деревья в путь пустились, дует ветер
вдоль по бульвару, где прохожих нет.
Один придёт ещё за нами вслед.
Один придёт ещё за нами вслед.

Как ухо, изогнулся каждый камень ...

А ты уже одна, как банк под вечер
с запасом золота внутри, внутри тебя.
И ночь забвения придёт к исходу дня.
И ночь забвения придёт к исходу дня.

Как ухо, изогнулся каждый камень ...

Когда мне придётся

Когда мне придётся вспоминать тебя,
когда другой начнёт открывать тебя, -
мягкую внутреннюю поверхность бёдер выше носка,
пока ты смеёшься, -
проявлять первые образы его будущей мечты...

לאורך השדרה שאין בה איש

ופעמון החל, לאט, לספור אותנו,
והתקוות היו כמו שלשום.
עזבנו את הכל, כלא שלנו,
כחדר שעוזבים אותו פתאום.

ורוח באה כמתוך עיניים
כאפרכסת אוזן נתקער הנוף
לשמוע כל הרחש בין השניים
לשמוע ולשכוח את הרוב.

וכבר האילנות יצאו לדרך
לאורך השדרה שאין בה איש,
אחד יגיע רק, השאר בכביש.
אחד יגיע רק, השאר בכביש.

ורוח באה כמתוך עיניים

וכבר את לבדך, כבנק בערב,
עם הזהב שבתוכו, שבתוכך,
וליל השכחה יבוא לוחך.
וליל השכחה יבוא לוחך.

ורוח באה כמתוך עיניים

כשאצטרך

כשאצטרך להתחיל לזכור אותך
כשאחר יתחיל לגלות אותך
את פנים ירכיך הרכים מעל הגרב
ומתי את צוחקת
פיתוח תמונות ראשונות לחלומותיו בעתיד

И когда мне нужно будет тебя забыть,
когда другой начнёт вспоминать тебя
после того, как другие начнут открывать тебя...

И моя жизнь пуста, как цветок,
с которого сорваны все лепестки «да» и «нет».
И быть одному значит быть в том месте, где мы не были вместе,
и быть одиноким - это забыть, что ты такой,
хотеть заплатить за двоих в автобусе...
и ехать одному,
и ехать одному,
и ехать одному...

Сейчас я прикрою зеркало, как твои фотографии,
и я лягу спать.
Небесные птицы будут клевать мясо сна моего,
собаки будут лизать мою кровь изнутри.
Снаружи не видно ничего.

И моя жизнь пуста, как цветок ...

Кто это может

Давай заснём сейчас далеко от людей,
строящих башни для охраны владений.
Сетка широт и долгот намного верней
ночью удержит нас с тобой от падений.

Окно – это квадрат, почти квадрат кровать,
горькая луна на большой круг похожа.
Мы с тобой должны были бы так много знать,
но кто это может?!

וכשאצטרך לשכוח אותך
כשאחר יתחיל לזכור אותך
כשאחרי אחרים יתחילו לגלות

וחיי ריקים כפרח
שמרטו ממנו את כל העלים של כן לא
ולהיות לבד הוא להיות במקום שבו לא היינו יחדיו
ולהיות לבד הוא לשכוח שאתה כך
לרצות לשלם בעד שניים באוטובוס
ולנסוע לבד
ולנסוע לבד
ולנסוע לבד

עכשיו אכסה את המראה כמו תמונותיך
ואשכב לישון
עוף השמיים יאכל את בשר שנתי
הכלבים ילוקו את דמי מבפנים
אין רואים דבר מחוץ

וחיי ריקים כפרח...

מי זה יכול

בואי נירדם עכשיו, רחוק מצורך
האנשים לבנות להם מגדלים,
רשת קווי הרוחב והאורך
תחזיק אותנו, לא נהיה נופלים.

החלון מרובע, המיטה כמעט מרובעת
הירח המר תמיד עגול.
היינו צריכים כל כך הרבה לדעת,
אבל מי זה יכול?!

Ты уже закрыла двери на ключ? Проверь!
Сколько есть слов в словаре, можешь представить?
Но у меня для тебя их мало, поверь.
Может, штора и ночь что-то добавят?

Можно, я положу тебе руку на пульс?
Остальные воюют в любой час суток.
Они расширяют горизонт, ну и пусть.
Наш-то - от руки до головы – так узок.

Нужно копить эти тихие ночи впрок,
научиться поступать хитро и мудро.
Вчера мы страдали и извлекли урок,
но он может забыться уже до утра.

Мой спящий сын

Этой ночью мой сын видел сон обо мне
в час, когда мой отец мне явился во сне.

Твой отец ещё жив, мёртв давно мой отец.
Ты в начале пути, мне б уйти наконец.

Я от чувств и волнений остывших далёк,
как от леса, которым он был, уголёк.

И твоё время станет лишь нитью, и так
сладкий «тик-» отдалится от горького «так».

Начинаем игру. Кто ещё не водил?
Тот, кто помнит последним, тот всех победил.

Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила

האם סגרת הדלת במפתח?
תארי לך, כל המילים שבמילון!
וכה מעט בפי לומר לך.
ומה הלילה יגיד, ואיך הווילון?!

אולי אשים ידי לך על הדופק?
האחרים יצאו, הרחק, לכבוש,
האחרים תמיד מרחיבים את האופק
ושלנו צר, מן היד עד הראש.

אנחנו תמיד צריכים לעמוד על המקח
ובעד לילה שקט לבקש רבבה.
אתמול סבלנו ולמדנו לקח
והלילה נשכח עד הבוקר הבא.

ילדי הישן

ילדי הישן חלם עלי חלום
בעת חלמתי על אבי, עליו השלום

לך אבי חי, ולי אבי מת
אתה מתחיל ואני רוצה לצאת

אני רחוק מרגש וחוויה
כרחוק פחם מן היער שהיה

גם לך הזמן ייהפך לחוט דק
והתיק המתוק יתרחק מן התק

המשחק מתחיל: לא להביט מן החלון
והזוכה מי שזוכר אחרון

אמרתי לך שיהיה כך - ולא האמנת

Рядом с поездом видны слои грунта в горе,
один на другом, древние, дуга над дугою.
Мы будем такими же, может быть, завтра уже,
вместе, близко друг к другу, укрыты травой.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Всю ночь луна металась, как душевно больной,
размывая контрасты, успокаивала кровь и воду.
Дитя моё, поверь мне: разницы нет никакой:
закон для двоих тот же, что и для всей природы.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Примус и горшок на нём – оба сейчас на месте.
Что им до нас, они шепчутся друг с другом.
Мы тоже ещё будем с тобою пока что вместе,
Красные, горячие, шептать что-то на ухо.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

В нас есть музыка, но в нас не хватает грома.
Мы, наконец, стать твёрдыми оба должны.
Львьятам, девочка, добродетельность не знакома,
Только праведники и овцы голодны и бедны.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Мы оба до сих пор безгранично любили,
но подошли к границе, где любви уже нет.
Стражи назвали пароль и ворота закрыли.
Дети ушли, пьеса кончена, выключен свет.
Я сказал тебе, будет так - а ты не поверила.

Помните и напоминайте

ליד הרכבת ראינו שכבות בהר,
זו על זו, קדומות, קשת על קשת,
גם אנחנו נהיה כך, אולי מחר,
יחדיו, צמודים, וגבוה מעל – הדשא.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

כל הלילה עמל הירח כמו מטורף
וטשטש ניגודים והרגיע דם ומים.
ילדתי, אין כל הבדל עכשיו,
כדין כל העולם הוא דין השניים.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

הפתיליה והסיר שעליה – בנחת
מה אכפת לשניהם, הם זה לזה רוחשים,
גם אנחנו עוד נהיה כך ביחד,
אדומים וחמים ואחד בשני לוחשים.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

יש בנו נגינה אך אין בנו די רעם.
מתי סוף-סוף נלמד להיות קשים?
הכפירים, נערה, אינם רעבים אף פעם,
רק צדיקים וכבשים רעבים ורשים.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

ראי, אהבתנו עכשיו בלי גבול,
והגענו לגבול שאין בו אהבה.
השומרים אמרו סיסמתם והשער נעול,
הילדים הלכו, החשמל כבה.
אמרתי לך שיהיה כך – ולא האמנת.

זכרו והזכירו

Вы, помнящие только лица,
не забывайте протянутые руки,
легко бегущие ноги
и слова.

Помните, что даже поход на жуткие битвы
всегда проходит через окна и сады,
где играют дети и лают собаки.

Помните и напоминайте упавшему плоду
о листьях и ветках,
напоминайте твердым шипам,
какими мягкими они были весной,
и не забывайте, что кулак тоже
был раньше открытой рукой и пальцами.

ואתם שזוכרים רק פנים,
אל תשכחו את הידיים המושטות
ואת הרגלים הרצות בקלות
ואת המילים

זכרו שגם היציאה לקרבות הנוראים
עוברת תמיד דרך גנים וחלונות
וילדים משחקים וכלב נובח

זכרו והזכירו לפרי שנשר
את העלים ואת הענף,
הזכירו לקוצים הקשים
שהיו רכים באביב,
ואל תשכחו שגם האגרופ
היה פעם יד פתוחה ואצבעות